

18+

Глеб Карпинский

**ФЛИРТ
С ОДИНОЧЕСТВОМ**

роман

Глеб Карпинский

Флирт с одиночеством. Роман

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Флирт с одиночеством. Роман / Г. Карпинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984635-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман «Флирт с одиночеством» повествует в завуалированной форме историю некоего Оуэна, от которого ушла жена. В поисках утешения последний ищет контакт с другими женщинами, заливая свою боль алкоголем и добровольным сумасшествием. Но жизнь кардинально меняется, когда он встречается с могущественным олигархом Наймондом, предлагающим ему убить главного виновника всех человеческих страданий — Бога.

ISBN 978-5-44-984635-8

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Мозаика утраченного	6
Мужские шалости	6
Сила гипноза	8
Золотая клетка	17
Балкон над Манго	20
Мечта	27
Бабушка, я лечу к тебе!	31
Кошмар	33
Кукла	35
Сказочник и мальчик	38
Любовница своего мужа	43
Сказка про Глиняных Богов	45
Встреча на мосту	47
Пробуждение	51
Первая измена	53
Интрижка	57
Портрет любимого	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Флирт с одиночеством

Роман

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

Оформление обложки Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2020

ISBN 978-5-4498-4635-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Надеюсь, мне удастся воспроизвести утраченное и собрать из отрывков памяти хотя бы мозаику тех событий. Это словно сцены из жизни, вырезанные острыми ножницами Сказочника...

И никогда не переводите это произведение на английский язык.

Часть 1. Мозаика утраченного

Мужские шалости

Одержимый живым интересом ко всем лицам женского пола, кроме, разумеется, жены, к последней питались к тому моменту больше родственные чувства, я открыл балконную дверь, надеясь, что глоток свежего воздуха приведет меня в чувство. Да, я погибал, погибал величественно и красиво, как погибает пред взором невежественной толпы мессия, еще не распятый, но уже расцелованный в обе щеки. Конечно, чтобы долго не мучиться, можно было махнуть со второго этажа на головы прохожих, слоняющихся под окнами туда-обратно нескончаемой вереницей, но такой выход был слишком банален для молодого, симпатичного парня с московской пропиской. Я понимал это, особенно, когда мое обострившееся в тоскливом одиночестве обоняние уловило весь этот заманчивый шарм южного города со всем своим наивным простодушием, а мои ноздри жадно втянули соблазнительный до умопомрачения запах добычи. Ноги подкосились сами собой, и я присел опьяненный на какой-то пыльный, шатающийся стул в углу не остекленного балкона, но не потому, что неожиданно понял, что обречен при таком положении возвыситься над всем этим нескончаемым потоком женских юбок и открытых декольте, а потому что и впрямь боялся перевернуться через низкую ограду. А они шли подо мной и шли, виляя своими упругими попками, совсем не замечая меня, того, кто похотливо смотрел на них, провожая их озабоченным взглядом. Затаившись, точно лазутчик, еще долго выискивал я наиболее интересные и привлекательные образы... к которым меня влекло со страшной силой.

Помню, как мне важно было понять женщину через это падение, без этого практически было нереально снова жить и любить, и я сузил свой поиск до понимания всех причин, почему мой внешне счастливый брак распадается, и женщина, которую я люблю, открыто живет с любовником. Все это практическое исследование, бесспорно, давало мне в столь сложное и разрушительное для моей души время новый смысл существования. Оно хранило меня также и от сумасшествия, на грань которого я уже наступал двумя ногами.

Они проходили так близко, не спеша, шелестя своими юбками, топая своими каблучками, часто толпились у входа в магазин одежды, что был под моим балконом, и я мог детально с малой высоты разглядывать все, вплоть до родинок на их лебединых шеях и оголенных узких плечах, жмурится от блеска золотых украшений и восхищаться шелковистостью их милых головок с курносими, напудренными носиками. О, как я безнаказанно вдыхал все эти одурманивающие афродизиаки, витающие в воздухе вместе с запахом жасмина! О, что я мысленно творил тогда с их не ведающими моего присутствия душами, с их не знающими еще моих ласк и горячих поцелуев телами, уже взмокшими на солнце, что самые непристойные вещи, какие только могут прийти в голову только дьяволу, покажутся сейчас забавным детским лепетом!

Да, я погибал красиво и величественно в выдуманной моим больным сознанием оргии, со всеми этими разными красивыми женщинами, берущий на смертном одре все, что не получил в прежней жизни опошленного брака по зову первой любви... И все же иногда, когда огни ада были так близко, когда шипящие брызги растопленного жира и грязи гибнущих безвозвратно человеческих душ терзали мою животрепещущую плоть ожогами и несмываемыми язвами, я верил, что в самый последний момент спасусь, что белые ангелы вырвут меня из когтей порока и понесут к Господу, славя Его милосердие... И я помогал себе украдкой руками, шептал непристойности, глупый и жалкий развратник, похититель чужого счастья, и орошал сонм этих милых женских головок живительным дождем своего обильного семени и чувствуя при этом всю преступную низость своего поступка.

И вдруг я представил, как кто-то так же, как и я, украдкой и исподтишка смотрит на меня, и тоже чувствует преступный замысел своих намерений ко всему этому миру. Я вздрогнул и посмотрел вверх, жутко смущенный, застигнутый врасплох, разоблаченный в своей непротитительной похоти, мои глаза пытливно искали этого невидимого друга, от которого почему-то зависело все, в том числе и моя репутация, и моя судьба... Но нигде его не было видно, и я скоро понял, что он сидит не на третьем или пятом этаже, или даже на крыше, а намного выше... И я даже услышал смех, и что меня больше всего удивило, что это был смех ребенка, маленького человечка лет пяти-семи, светловолосого мальчика. Он смеялся так заразительно над моим недоумением, над всей этой суетой муравейника южного города, что мне невольно стало не по себе. Я не мог сдержаться и тоже стал смеяться, а люди внизу смотрели на меня как на сумасшедшего. И вдруг мне стало жалко себя, жалко весь мир, этот жестокий и в то же время лучший из всех миров мир, слезы текли из моих глаз ручьем. Я увидел мальчика, одновременно смеющегося и плачущего. «Создатель! – воскликнул я. – Прости! Я согрешил!»

– Мне иногда кажется, что Бог вовсе не молчит, а разговаривает, только не с нами, а как бы это тебе объяснить, мой друг... через других людей, что ли. Ведь все наши мысли, даже самые ясные и понятные, от желания пососать сиську матери до последней просьбы умирающего, чтобы его оставили в покое, скорее всего уже когда-то были в той или иной форме. Они вторичны и третичны, но изначально берутся от самого Бога, посылаются Им в наши больные головы или сами сбегают от него подобно бешеным собакам... Так Он разговаривает сам с собой, словно типичный параноик или великий философ, прежде чем попадают в наше сознание и трансформируются в данном случае в русскую речь...

– Сказочник, а может быть это действительно так, и через наши мысли разговаривает Бог?

– Это произошло в одном давно забытом городишке на железнодорожной станции. Дело было к вечеру, в зале ожиданий сидели в основном старики. Все были одеты в валенки и какие-то серые одежды. Продавали какие-то пирожки, грызли семечки прямо на пол, парочка бомжей копалась в мусорке. Я сидел и медленно замерзал. И вдруг вошла приятная женщина в легкой детской куртке. Она села поодаль и стала пить из банки пиво. У нее был очень печальный вид и добрые глаза. Когда она выпила всю банку, то поставила ее на соседнее сидение, и надпись хорошо читалась. «Охота». Словно она охотилась на мужчин. И что ты думаешь, она заставила меня приревновать к какому-то парню, вошедшему в зал почти перед прибытием поезда. Тот был в ковбойской шляпе и помятом кожаном плаще, словно вышел из сэкондхэнда. Он сел рядом со мной и стал читать толстенную книгу про гоблинов и хоббитов. Женщина поглядывала то на меня, то на него и даже больше на него, потому что иногда наши взгляды пересекались, и она отводила глаза.

P.S. Хочешь, ты при встрече коснешься меня?

Сила гипноза

Мне приснился странный сон, пусть это будет сон, ибо только во сне можно увидеть очаровательную женщину, хорошо следящую за собой, довольно зрелую для молодого человека, как я, и серьезную во всех отношениях. Помню, что сразу бросилось в глаза при встрече с этой особой, так это ее шикарные черные волосы. Не каждый день можно встретить такую оборотительную красоту, развевающуюся на ветру, точно буйная грива скачущей галопом по степи арабской лошади.

– Вы не подскажите, как выйти к... – обратился я к ней, уже час с лишним плутовавший по этим одноэтажным кварталам с цветущими садиками.

– Мы можем Вас подвезти, если хотите, – услышал я тогда зов ее доброго сердца, и весь этот шарм от пышности ее волос подействовал на меня впечатляюще, особенно когда она взмахнула головой, садясь в машину.

Она всегда носила свои волосы распущенными, немного вздыбленными, как после хорошего секса в каком-нибудь общественном туалете с первым встречным, но я сразу оговорюсь, что я был не из того числа счастливчиков, которых она, должно быть, заманивала целыми пачками в свои ловкие сети одним лишь слабым изгибом брови или гневным топаньем ножки.

– У Вас чудесные волосы, никогда прежде такого чуда не видывал, – сказал я привычный для нее комплимент, на который она, должно быть, ответила едва уловимой улыбкой, которую я поймал в отражении салонного зеркала.

Стоит сказать, что я сел в машину на заднее сиденье не из скромности, а потому что на пассажирском сиденье уже сидела молоденькая девушка, судя по всему, ее дочь. На вид этой девушке, так похожей на свою мать, было около восемнадцати. Такие же черные густые волосы, немного вьющиеся от летнего зноя, спадали шелковистыми кудрями до самых плеч и чуть ниже, разве что седина еще не коснулась их. Спины у обеих были оголены, кажется, до поясницы, и глядя на эту дерзкую откровенность, они не носили лифчиков, так и хотелось пробежаться по ним игриво шагающими пальчиками, пересчитать все позвоночки нежными поцелуями.

– Вы прямо на бал, девушки... – позволил я себе вольность, и они объяснили мне, что я попал чуть ли не в самую точку, так как они едут в театр, на какой-то современный мюзикл на чисто французском языке, гастролирующий по России.

– Мамон хочет посмотреть на поющих негров, – заметила ее дочка в самом конце восторженной беседы, и в ее робком ответе не было ни тени шуток.

– А что на них смотреть? – удивился я. – Разве они хорошо поют?

– Они довольно пластично движутся, – ответила многозначительно мать и посмотрела на меня так, как будто я был парализованный инвалид. – Мне всегда нравилась их пластика...

Мы как раз выехали на знакомый мне перекресток, оказывается, я блуждал совсем рядом с трамвайными путями.

– Вот тут мы вас высадим, – сказали мне, на минутку припарковываясь у остановки. – Спасибо, что составили нам компанию.

– Это Вам спасибо! Желаю Вам прекрасно провести вечер, – ответил я и, признаюсь честно, неохотно вышел из машины, чуть слегка захлопнув дверцу.

Мне показалось, что мне даже подмигнули напоследок, и подмигнули обе барышни, то есть дали надежду на новую встречу, но я слишком долго собирался с ответом, и блестящая от чистоты машина быстро укатила куда-то в сторону центра. К тому же пришел следом мой трамвай, и я еще долго был под впечатлением от этого непродолжительного знакомства.

Через какое-то время я все же решился и отправился к театру, где давали это негри-танское представление. Нет, конечно, меня не интересовала пластичность певцов, и я совсем

не надеялся приобрести для себя ложе в партере. Тогда не только центр города был увешан плакатами и афишами, рекламная акция прокатилась до самых трущоб, и казалось, все сливки общества пришли сюда, чтобы покрасоваться друг перед другом новомодными брендами и бандитскими татуировками. Я сразу увидел их в фойе. Стильные платья сложно не заметить на фоне разношерстных шорт и однотипных пляжных маечек, тем более женщина из моего чудного сновидения, должно быть, выбирала свой вечерний туалет из самых последних коллекций, завезенных сюда из Европы, и, может быть, в ограниченном количестве. Я сразу понял, что не каждая представительница этого провинциального города может позволить себе такую роскошь, и уж тем более золотые украшения, бриллианты и бижутерию Сваровски, которые ожили и заиграли под яркими хрустальными люстрами. Женщина с такими шикарными волосами принадлежала к особой неприкасаемой элите, о которой я, конечно, слышал, но боялся спросить, и то, что она меня подвезла, было скорее прихотью, нежели проявлением доброго чувства. С таким же успехом она могла бы бросить обглоданную кость со стола бездомному псу, случайно оказавшему в близости, и я даже смутился от досады и пожалел, что имел особую дерзость преследовать ее и ее девственную дочь в столь романтический вечер. Уже зазвучал первый звонок, и народ в фойе стал рассеиваться, проходя к входам в основной зал. Все показывали билеты, а я ничего не мог предпринять, кроме как сделать вид, что ожидаю кого-то. Благо, мои недавние знакомые не заметили меня за колонной, и встали в спонтанную очередь, вслушиваясь, как на сцене уже заиграла какая-то до боли знакомая французская мелодия.

«Наверно, дочка ее учится в университете на престижном курсе, а она сама жена какого-нибудь местного бандита, а еще вероятнее, важного чиновника, влюбленного в нее, как в свою лучшую собственность, среди которой, как атрибут успешной жизни, есть непременно шестисотый Мерседес с затонированными пуленепробиваемыми стеклами. На нем эта пассия ездит на всякие светские мероприятия в сопровождении своей неразлучной доченьки».

Я уже хотел было незаметно выскользнуть из театра, как снова мой взгляд упал на их шикарные волосы и откровенные вырезы на платьях. Когда мужчины видят такую откровенность со спины, то часто теряют голову, так и я признал, что не смогу сегодня сомкнуть глаз, и что нужно попробовать всю силу своего гипноза, который я практиковал в последнее время от безделья и скуки. Я подошел к ним сзади, втиснулся между ожидающих своей очереди гостей театра и еще какое-то время любовался стройностью их идентичных фигур, особенно отточенных ножек, облаченных в каблучки, и даже путался и гадал, кто из них передо мной дочь, а кто мать. Прозвучал второй звонок, и контролер на входе поторопился. В этой суматохе я, как мне казалось, незаметно пробрался внутрь и попробовал затеряться в темноте зала, который оказался как ни странно наполовину пуст. Но меня сразу обнаружили, и это были, к сожалению, не мои знакомые черноволоски, которые уже рассаживались где-то в первых рядах, а тот самый пресловутый контроллер, который нетактично положил свои грубые руки мне на плечи и ни в какую не соглашался подчиниться силе моего гипноза. Мне грозило, наверно, как минимум избиение, но только слабый довод того, что я журналист из Москвы, подействовал на него успокаивающе, и он предложил мне пройти куда-то наверх, в администрацию, за разрешением. Так все благополучно обошлось без скандала, и хотя разрешения мне никакого не дали, по крайней мере, я ожидал на улице с некой долей надежды, и единственным неудобством в этой ситуации был холод, который меня, еще не успевшего привыкнуть к местному климату, а к вечеру здесь резко становилось прохладно, гнал прочь в теплое место.

Скажу, что в суматохе второго звонка я умудрился коснуться оголенной спины одной из них, стоящей ко мне ближе всего, и был приятно удивлен, что кожа у нее оказалась нежнее персика. Мне также хотелось прикоснуться и ко второй спине, но мне не дали, и нужно было думать о незаметном проникновении. Но об этом чуть позже.

Она, скорее всего, была учительница младших классов, судя по ее внимательному взгляду и строгости лица, и я невольно пасовал перед нею, даже, когда она сделала вид, что удивилась, когда заметила меня продрогшего насквозь у выхода из театра.

– Ах это Вы? Что Вы тут делаете?

– Жду Вас, – признался я. – Мне кажется, я обронил у Вас в салоне машины свои ключи от дома.

Она даже рассмеялась, до чего мой слабый довод казался ей неубедительным и мальчишеским лепетом. Еще, как я уже говорил, у нее хорошо было развито чувство вкуса, которое она безусловно прививала и своей дочери, а также и умение держаться с мужчинами, причем в роли так называемой королевы. Так что превратить любого мужчину за пару минут в своего безропотного пажа ей не составляло никого труда, и все, как послушные ученики, слушались ее учительского тона и воспринимали каждый ее довод, разрушающий их сомнения, как уже доказанную аксиому или руководство к действию.

– Как Вам поющие негры? – спросил я, провожая их до машины.

– Отвратительно, – ответила за нее дочка. – Особенно финальная часть, когда все погибли, а он танцевал на их костях рэп. И, заметьте, это Мольер!

В салоне их машины я действительно, к своему счастью, нашел заветную связку ключей, и меня даже решили подбросить до самого дома.

– А Вы живете в шикарном месте! Прямо напротив мэрии, – заметила дочка. – У меня институт тут рядом.

– Заходите в гости, всегда рад.

– Что Вы! Без мамы я не могу!

– Так заходите с мамой. У меня дома есть раритетное пианино, правда, оно немного расстроено, но мне все равно нравится, когда на нем играют такие красивые девушки, как Вы!

– А с чего Вы взяли, что я умею играть на пианино? – удивилась дочка.

– Просто предположил.

– Вы правы, мамон никогда не скупилась на моем домашнем образовании. Еще я умею плавать, танцевать сальсу и кататься верхом на лошади, а еще... – стала перечислять свои достоинства эта молоденькая девушка, загибая свои элегантные пальчики, пока ее не перебила строгая мама.

– А еще, Яна, ты прекрасно умеешь утомить любого... Всем и так понятно, что ты идеальная невеста.

Девушка явно смутилась, и мне даже стало жаль ее.

– Чем Вы занимаетесь, молодой человек? – спросила ее мама, явно проявляя интерес к моей скромной персоне. Мы въехали как раз во дворы. Я немного замаялся с ответом.

– Вы что заманиваете девушек к себе домой просьбами поиграть на пианино? – продолжила расспрос эта строгая женщина.

– Своего рода, да... – признался, наконец, я. – Честно говоря, они обычно сами приходят и даже без всяких просьб, иногда даже создаются неудобные случаи...

– Неудобные случаи? – и она усмехнулась, спрашивая взглядом, где мой подъезд. – Неудобные для кого?

– Ну, они неудобные условно... – замаялся я. – Вот, например, вчера у меня в гостях была одна девушка, мы выпили Мартини, потом поиграли на пианино в четыре руки, а потом... мы оказались на полу, страстно целуя друг друга и словно боролись. Конечно, я победил. И она спросила меня: «Не каждая девушка тебе так отдается?», а я ответил, что до нее утром была точно такая же сценка и что вечером планируется нечто подобное, и вообще теперь я с недавних пор разбираюсь и в Шуберте, и в Чайковском не хуже выпускника филармонии.

– О, как я люблю неудобные случаи... Яне, конечно, еще далеко до таких неудобных случаев, но я бы поиграла с Вами Баха.

– Вот-вот, – признался я. – Я сам не понимаю, почему все так легко со мною происходит. Тут словно все медом намазано, и я сам в этом меду. Мне иногда кажется даже, что все это из-за гипнотического дара происходит, который раскрылся, когда я расстался с женой.

– Гипнотического дара? Ха-ха, – и старшая черноволоска даже рассмеялась. – Посмотрим, посмотрим, какой Вы гипнотизер... Ну-ка посмотрите мне в глаза. Вот так, смелее. Прикажите, что Вы хотите...

Мы как раз в это время остановились у нужного подъезда.

– Сегодня в полночь, когда Вы ляжете в свою холодную постель, – нахмурился я, вглядываясь поочередно в эти очаровательные глазки и придавая своему голосу внушительность. – Вы вспомните этот обшарпанный подъезд, меня, поднимающегося к себе по этой лестнице, и мысленно пойдете за мной. Я буду ждать Вас без слов, все будет происходить молча, как по мановению волшебной палочки, я просто буду угадывать все Ваши тайные желания и выполнять их с удивительной ловкостью, порою нежно и ласково, порою жестко, без сожалений...

Потом поблагодарив еще раз своих новых знакомых, я сухо попрощался, у меня в тот момент просто не хватило мужества расцеловать их обеих, немного под впечатлением от моего дара, в щеки, и поднялся к себе, ощущая в спину их пронизывающие взгляды.

«Мама и дочь-девственница...» – улыбался я, даже не закрывая дверь, и про себя думал, что может быть лучше любви втроем?

Но они не последовали за мной, и я даже злился на них, все еще с надеждой прислушиваясь к звукам ночи. Потом, когда город погрузился в сон, мне ничего не оставалось, как пить в одиночестве свой Мартини и самостоятельно представлять любовную сцену с этой строгой мамашей и ее девственной дочкой, и эта сцена была довольно откровенная, без каких-то там культурных прикрас и французских нежностей, что даже кровь ударила мне в голову и затуманила разум. О, как мне в ту ночь было злобно и одиноко в этом чужом городе, и я ничего не мог поделать, кроме как мечтать о ласках с этими двумя, так похожими друг на друга, черноволосками... В своих эротических фантазиях, а это был словно сон во сне, я представлял себя даже самым пластичным из пластичных негров с огромным боевым членом, и мои красавицы удивлялись моим незаурядным способностям и хвалили меня и поощряли за артистизм и неутолимость. Итак, я мучился почти всю ночь, до самого рассвета, и только одно меня успокаивало и утешало в столь ранние часы, это то, что томлюсь этими страстными сценами не только я один, они безусловно остались под впечатлением от моего гипноза, и сейчас, лежа в разных комнатах своего благовоспитанного домика, украдкой друг от друга лечат свою бессонницу само удовлетворяющимися ласками. О их муже и отце я почему-то забыл, но он сам напомнил о себе на следующее утро, ворвавшись ко мне в незапертую дверь с кучей вооруженных наемников.

Нет, они не били меня, от страха потерять свою жизнь таким глупым образом мне пришлось блефовать и говорить, что за мной стоят серьезные московские люди. При слове «Москва» у них наострились ушки на лысых черепах, а золотые тяжелые цепи на их бычьих шеях зазвенели немногим звонче, чем удар главного колокола по соседству. Оказывается, выследить меня было не так уж сложно, так как все перемещение машины прослеживается специальными программами, и я даже в столь щекотливой ситуации допустил и наружную слежку.

– Еще раз сунешься, куда не надо, – сказал этот главный лысый дяденька с битой в руках. – И мы закинем тебя в багажник и увезем в лес. Никакой гипноз тебе не поможет, понял?

Я только кивнул, а они ушли, прихватив с собой мой недопитый Мартини и раздубасив напоследок вдребезги пианино. Причем когда они это делали, то Вагнер отдыхал в гробу, а соседи заподозрили что-то неладное и стали стучать по батареям.

Потом, спустя где-то две недели, совсем забыв о черноволосках, я случайно наткнулся на младшую из них. Говоря случайно, я, конечно, плутую, ибо я намеренно ходил в студенче-

ском квартале, пытаюсь загипнотизировать хоть одну глупенькую первокурсницу. Она узнала меня и окликнула, и мы немного прошли с ней между ее парами и разговорились.

– Как же Вы узнали, что я из Москвы? – спросил я, когда мы вспоминали нашу первую встречу и ее любимую маму.

– По голосу, у Вас такой забавный акцент... – улыбнулась Яна.

– Да, голос выдает, но если я пожил бы здесь с годик, то думаю, меня было бы не отличить...

– А мне нравится Ваш акцент, каждый раз, когда Вас слышу, становится не по себе и вот тут стучит, стучит... – и девушка поднесла мою руку к своей взволнованной груди, что я даже забеспокоился.

Мне тогда казалось, что за нами следят наемники ее лысого папочки. Тем более, он сам мог попасться нам на глаза, так как работал в мэрии, и мне не хотелось куковать в багажнике его машины со связанными руками и купленной по дороге лопатой. Мы даже свернули в какое-то укромное место, перебежали другую улицу, и как затравленные зверьки спрятались в каких-то цветущих, благоухающих чудным ароматом кустах. Она прижалась ко мне, и я сразу уловил ее теплые губы.

– Вы знаете, моя мама собиралась к Вам зайти.

– Неужели? Передайте ей, пожалуйста, что у меня пианино раздолбали.

– О, она не по этому поводу.

– А по какому же?

– Вы знаете, мамон дает частные уроки молодым мужчинам нашего города и часто даже бесплатно или даже за символичную цену? – улыбнулась Яна. – Так как считает, что мой будущий жених обязательно должен знать французский. Этот красивый язык любви воспитывает в человеке утонченные чувства, и если хотите, без его знания невозможна та самая полнота телесной любви, которая обычно вспыхивает между мужчиной и женщиной... Мне даже иногда кажется, что мамон сумасшедшая. Вы только поверьте, что даже на моем курсе есть ее ученики, и я даже боюсь, что прежде, чем я встречу своего жениха, он уже будет знать мою маму.

– У Вас прекрасная мама, – ответил я, снова целуя эти девственные неумелые губы.

От мысли, что эти губы не знают греха, меня аж бросило в жар, и я совсем потерял чувство опасности и долго ласкал ее там под джинсами. Сначала она закатила глаза и словно умирала в моих объятиях, так наверняка казалось со стороны, потом она вдруг вспомнила, что ей пора на пару и под благовидным предлогом выскользнула, оставив меня с носом.

– На днях мы с мамой, может быть, к Вам зайдем... – засмеялась она, довольная.

– Заходите, конечно, только без папы. Мы можем поиграть в шахматы...

Потом они действительно пришли. В тот день у меня взорвалась газовая колонка, и я делал вид, что чиню ее вместе с хозяином квартиры, добрым старым армянским евреем и каким-то таким же древним газовщиком. Моя помощь в основном заключалась в передаче инструмента и каких-то железок, и еще я все время безропотно слушал их старческую болтовню о счастливой молодости, которая ушла навсегда. Кстати, хозяин квартиры поведал мне историю о том, как он разбогател. Оказалось, что давным-давно, будучи лейтенантом железнодорожных войск ему удалось вывести каким-то чудом из пылающего Берлина для одного уважаемого генерала ценные музейные коллекции книг и другого раритета, и в качестве оплаты за услугу часть этого добра осталась в городе N, в последствии все это было выгодно заложено в ломбардах и реализовано. Пианино, кстати было как раз из того числа, и старик как раз сокрушался по поводу порчи имущества, но не сильно, и даже сказал, что восстановит все за свой счет, так как ему все равно сейчас делать нечего.

Когда вошли черноволоски, мне даже пришлось их ему представить, и мы все даже поболтали о важности воспитания молодежи в патриотическом духе. Потом старики вежливо удалились, оставив меня наедине с гостями.

– Как Вам повезло с хозяином квартиры, – заметила старшая черноволоска. – Мировой дедуля. Я бы Вас точно за порчу такого бесценного произведения искусства выгнала к чертям собачьим да еще на счетчик поставила.

– Я всегда готов нести справедливое наказание, сударыня... – почтительно наклонил я голову. – Но в жизни есть такие вещи, которые стоят выше любой материальной выгоды и измеряются совсем другими ценностями...

– Какие же, молодой человек. Будет любопытно узнать.

– Мужская солидарность, например. Да, да, Вы поражены, но она существует. Я сказал ему, что в этом скверном деле замешана очень красивая женщина, и он тут же простил меня.

– Я и говорю, мировой дедулечка... – сказала она и прошлась по паркету, не снимая с себя каблучков.

За ней последовала Яна. Они напоминали мне сейчас оторвавшуюся от основной группы кучку туристов в экскурсионном зале какого-нибудь Эрмитажа. У меня в квартире действительно было что посмотреть: и диковинные статуэтки разных народов мира, и книги с переплетами из человеческой кожи, и ржавые доспехи какого-то конкистадора, тут я всегда с гордостью говорил, что они по слухам принадлежали самому Колумбу, и показывал дыру от индейской стрелы, но больше всего гостей увлекли шахматы из слоновой кости, и я предложил им сыграть в партейку на раздевание. К моему удивлению, мама играла превосходно и разыграла турецкий гамбит, что я вынужден был скоро сдаться и оголить торс, а вот ее дочка путалась в ходах фигур, и я даже хотел поставить ей детский мат, но посчитал это чересчур негостеприимным и намеренно стал затягивать партию, пока ее мама что-то срочно стряпала на кухне. Я забыл сказать, что они пришли не с пустыми руками и с явной мыслью накормить меня до отвала всякими деликатесами. На мои возражения, что не стоило так беспокоиться, строгая мамочка сказала, что путь к мужчине лежит через его желудок. И она чертовски была права, я сразу возжелал ее прямо за кухонным столом, и если бы не ее дочка, овладел бы немедля, одновременно уплетая бутерброды с икрой осетрины и запивая все довольно неплохим коньяком.

– Ну, нет, так лошади не ходят... – поправил я неверный ход Яны.

– Откуда Вы знаете, что так не ходят? Я с детства занимаюсь на ипподроме и знаю, что иногда они ходят именно так, – настаивала на своем девушка, и я заподозрил даже, уже не тайная ли она блондинка. Она в свою очередь обиженно выпячивала губки, и я вынужден был согласиться, сорвав с них украдкой поцелуй.

– Хорошо, желание женщины для меня закон...

– Я еще не женщина, но мамон говорит, что так долго продолжаться не может, и что если я не найду себе жениха, она найдет его за меня...

– У Вас просто замечательная мама, – кажется, уже не первый раз повторился я. – Но все же я советую в таких случаях выбирать своего первого мужчину сердцем.

– А я уже давно выбрала, – покраснела Яна, смущаясь. – И Вы даже знаете, кого...

– Мальчики и девочки, прошу к столу, – донеслось с кухни, и мы отложили недоигранную партию до лучших времен.

Когда мы пришли на застолье, то просто не узнали обстановку. Вместо унылой кухни повсюду висели разноцветные воздушные шарик и какие-то гирляндочки, а стол был завален всякими изысканными блюдами. У меня от вида всего этого просто потекли слюни, и мне во время даже дали слюнявчик.

– Это пир во время чумы, – признался я. – Так неловко, когда дети в Африке голодают...

– Слава Богу, у нас тут не Африка! – и мне поднесли оторванную клешню вареного рака.

– Вы еще и отменная хозяйюшка, – сказал я заслуженный комплимент. – Где Вы раньше были? Но позвольте попробовать сначала вот эту селедочку под шубой...

– Я думала, – засмеялась моя хозяйюшка, – Вы позволите себе сначала поцеловать меня в щечку. Это может повисить Вам аппетит.

– И не только, – ответил я и действительно поцеловал ее, но только не сразу, а после дегустации поджаренных на оливковом масле баклажанов с чесночком и укропчиком. Даже растерявшись от такого многообразия и обилия пищи, я не знал, за что братья первым. Черноволоски активно ухаживали за мной, и скоро на моем широком блюде появилась целая гора еды, которую я физически не смог съесть. В благодарность я только и успевал целовать их поочередно в щеки.

– Я пить не буду, я за рулем. Яна тоже не пьет, а вот Вы пейте, – сказала мамон польщенная моим страстным порывом. – Как Вам коньяк?

– Вкусный, – поблагодарил я ее. – Но я предпочитаю Мартини.

– О, Мартини... Мартини мне всегда напоминает Италию, – погрустнела вдруг она.

– У мамы первая любовь – итальянец, – пояснила мне Яна. – Да, мамон? Я помню, как ты рассказывала, еще до встречи с нашим папой, как на дискотеке, когда тебе только исполнилось восемнадцать, ты танцевала с каким-то итальянцем, и он поцеловал тебя...

– О да... – вздохнула мама. – Какие славные времена были... Сейчас так никто не целуется.

– Нет, мамон! – возразила дочка. – Наш новый друг очень хорошо целуется... – и она даже покраснела, поняв, что выдала наше интимное randevu.

– Идите, дети, лучше играть в шахматы! – вдруг вспыхнула старшая черноволоска. – Я пока приготовлю блины.

– Да, действительно, что-то блинчиков захотелось... – сказал я, вставая из-за стола.

– Спасибо, мамон, – кивнула Яна.

Мы вернулись с поникшими головами в комнату и снова сели за шахматную доску доигрывать уже затянувшую до неприличия партию, я уже открыто поддавался, жертвуя без разбора свои фигуры, и в конечном итоге чуть ли не проиграл, оставшись в эндшпиле с одной пешкой против двух черных ладей. В этот судьбоносный момент к нам подсоединилась старшая черноволоска, вся обсыпанная мукой и со скалкой в руке. Тут эта женщина напомнила мне своего недавнего муженька с бейсбольной битой, и я еще раз убедился в верности пословицы, что муж и жена – одна сатана. Конечно, никаких блинов она не стала печь, это была неудачная попытка произвести на меня впечатление, хотя я, если честно, даже рассчитывал на это чудо. В отместку она подсказала пару верных ходов своей дочери и загнала меня в прямом смысле в тупик, что я даже пообещал ей, откуда у меня только появилась такая дерзость, что еще одна подсказка, и я оттрахаю ее этой же скалкой. Она рассмеялась и сказала на бесподобном французском «*Chaque chose en son temps*» (всему свое время), что мне захотелось тут же взять у нее уроки. Ситуация переходила уже всякие границы приличия, та как я безутешно уже двигал пешкой и прятал своего короля от надвигающегося мата, в любой момент понимая, что могу остаться без штанов.

И только благодаря рассеянности своей молодой соперницы, которая больше стала отвлекаться на восторженные стоны своей матери, обнаружившей в моей библиотеке редкий экземпляр Камастуры, я провел в конце концов пешку в ферзи и предложил ничью. В этом случае они настояли, чтобы я снял штаны, слово джентльмена закон, а Яна с разрешения матери сняла с себя чулки и обмотала их на моей шеи вместо галстука. В таком примерно виде мы и начала вакханалию...

Вспоминая каждый раз этих очаровательных черноволосок, особенно нашу первую интимную связь, и как преданно и страстно они любили меня, раздирая по частям, точно голодные львицы глупого кролика, у меня всегда наворачиваются слезы радости, что я познал их пусть и грешную, во многом отчаянную, но все же любовь, и никто другой больше не испытал и толики того, что испытал я с ними... Даже их ревнивый муж и отец, когда пришла и его очередь сказать свое веское слово, был вынужден признать силу моего гипноза. Помню, как пришел он ко мне под самое утро без свидетелей и без биты, просто как друг с бутылкой деше-

вой водки. Я принял его настороженно, ожидая подвоха, но уже не боялся, ибо после всего, что у меня было, я мог умереть спокойно.

– Да-с, – сумел промычать что-то он, обливаясь слезами. – Да-с.

Мы сели на кухне за тем столом, на котором я познавал трижды его жену, и, видимо, это его окончательно убило, и он совсем сник, умоляя меня уехать из этого проклятого города. Я сказал ему еще тогда, что уехать сразу не могу, что у меня еще много дел, и что в лучшем случае мой отъезд планируется зимой.

– Да-с, – кивнул он понимающе, хлеща водяру из горла. – Тогда я увезу их за границу... так сказать, залечивать душевные раны.

– Если не секрет, то далеко?

– Скорее всего, в Италию.

– Там чудные оливки.

Мы крепко пожали друг другу руки, и каждый из нас силился пережать ладонь до боли и хруста костей.

– Если у Вас будут инвестиции в наш отечественный агропром, всегда рады... – сказал он почему-то на прощание, и с тех пор я никого из той семьи больше не видел.

Но, скажу Вам честно, что эта трепетная, непередаваемая никакими словами любовь по черноволоскам всегда осталась в моем сердце, и даже сейчас, когда пишу эти строки, эта, казалось бы, давно погибшая любовь еще тлеет под толстым пеплом моих неоднократных побед, и стоит только расшевелить угли воспоминаний, как могучий жар запылает, озарит все вокруг подобно солнцу, и то наваждение, которое горело между нами тогда, непременно вернется, чтобы погубить нас вновь.

Эх, черноволосочки... черноволосочки, где ты, моя юная Яночка, за кем замужем, и на кого похожи детишки? А где Вы, моя учительница французского языка мадам Мамон, и сколько преданных Вам учеников вспоминают Вас в этот тоскливый вечер? Я, кстати, так и не узнал Вашего настоящего имени, Ваш муж величал Вас все время «она», а мы между собой с Вашей дочерью Яной по-доброму называли Вас на французский лад «маммон». Так вот merci beaucoup, что научили меня высекать искру из камня. Учительский дар и талант ученика раскрылись в полной мере в наших страстных объятиях. Да, Вы были строги и терпели, а я легкомыслен и самоуверен. Помните, как Вы заметили деликатным шепотом, погрозив пальчиком, que je t'excite vite (что я слишком быстро возбуждаюсь), и это больно задело мое самолюбие. О да, мамон, Вы были тысячу раз правы, ибо прежде до встречи с Вами я преследовал только собственные эгоистичные цели. Мне всегда казалось, что во время близости с женщиной достаточно одного моего присутствия, что только мое присутствие с ней возносит ее на пики блаженства, о, как я ошибался! Сколько несчастных женщин ушли от меня, так и не испытав это важное, каким преступником я был, злодеем, а мне тогда казалось, что я молодой бог, самый лучший из лучших, глупый мальчишка! И все измены жене до встречи с Вами, весь этот маниакальный онанизм, все эти бл... ие похождения на стороне разве можно считать изменами? Нет! Тысячу раз нет! Они всего лишь жалкие прелюдии к чему-то более серьезному и, если хотите, святому, ибо какая может быть измена с другой женщиной без высекания этой сладострастной искры пусть и при помощи моих рук, но все же? И, конечно, те чувства, которые я искренно питал к Вам и Вашей дочери прощают мне многое, и я очень надеюсь, что это взаимно, что и я многому научил Вас, а главное – состраданияю.

Мы поменяли позу, и я подложил подушку под ее оголенные ягодицы, и минуту любовался развернутой сладостной бездной, точно гурман перед изысканным блюдом. Потом я вошел. Ее платье было бесстыдно задрано, трусики-стринги уже кружились на моем указательном пальце, а ее горячее от возбуждения тело с учащенно дышащей грудью простиралось от меня, спадая с моих колен. Я почти не двигался, сберегая силы для последнего рывка.

С непривычки у меня даже заныли мышцы в изгибах колен, но я продолжал ласкать ее чуть выше свободным пальцем, и она подсказывала мне как это правильно делать, правила своей рукой мою, указывала ритм и силу нажима.

– Un peu plus doucement, mon bébé (Слегка и помедленней, мой малыш) – иногда говорила она с закрытыми от наслаждения глазами, когда я слишком торопился, так как у меня затекали колени. . . Но я терпел неудобства и интуитивно чувствовал, как опытный сапер, что вот-вот это все взорвется к ядерной матери, и ждал финала. . . Потом эта самоотверженная женщина словно сжалилась надо мной и тихо застонала, и я начал победоносно двигаться, буквально убивая ее. Она уже не стонала, а кричала, из последних сил пыталась вырваться от меня, пронзенная в агонии, на виду своей дочери. . . И наконец все затихло. . . Я даже испугался, что она умерла, глядя на ее безмятежность и разбросанные по постели черные волосы. . . Только потом, когда Яна обняла меня сзади и такой же дождь черных волос накрыл меня, я словно очнулся, ощущая кожей своей шеи прикосновение девственных губ, и в этой затянувшейся паузе мамон открыла глаза, и я увидел опасный упрек ревности в ее затуманенном взоре.

– Яна, уйди, всем святым заклинаю тебя. . . – задрожала она, но ее дочь не отступала, продолжала целовать мою шею и пряталась за моей спиной.

Тогда мамон попыталась вскочить, вцепиться и расцарапать ей лицо, но я не дал ей это сделать, и снова вошел, на этот раз более резко и жестко, и она быстро сдалась, содрогаясь от моих толчков, и тут же задрожала. . . И я тоже упал обессиленный, сомкнувшись с нею губами, а ее девственная дочь еще долго целовала мою взмокшую спину, точно рабыня, готовая на все ради своего господина. Помню, как я лежал, словно прослойка плавленого сыра между их двумя жаркими телами, и стуки ударов их родственных сердец звучали в унисон с моим, учащенно и громко. . . Яна хотела меня, и ее девственность лежала на моей ладони, точно вкусная вишенка на кремовом десерте, но я убоился переходить запретные грани, и поцеловав на прощание ее грешную мать, пошел на кухню доедать салаты и даже демонстративно закрылся там, в гордом одиночестве, а они, мать и дочь, в каком-то едином порыве еще долго царапались в стеклянные двери и умоляли открыть их, и обещали быть хорошими паиньками.

Золотая клетка

Вы думаете, такого не бывает, бывает?! Бывает, еще как бывает, коль это было со мной. Честно сказать, не помню, как мы познакомились с, как ее? Назовем ее птичкой. «Почему птичка? – спросите Вы. «Да потому что она ко мне словно залетала на минутку, а потом, поклевывая с ладони семечки, улетала восвояси, даже не чирикнув на прощание». Кажется, и ник у нее был Колибри или что-то в этом роде. Скорее всего, с этой птичкой я списался через аську или соцсети, так как мы какое-то время были заочно знакомы и строили наши общие планы с учетом наших извращенных вкусов. Я тогда работал в чужом городе и в свободное время развлекался, то есть искал новых подруг для утех. Она, судя по всему, тоже искала любовника, но такого, который не обременит ее вовсе, а просто немного взбодрит. Поэтому мы долго не изнуряли себя длительной перепиской, так сказать, не стали ходить вдоль да около и сразу перешли к делу, совсем не зная ничего друг о друге. Это было рискованно, так как встреча могла привести нас к непредсказуемым последствиям. Теоретически я мог оказаться маньяком-расчленителем, а она больна сифилисом или еще чем-нибудь отвратительным. Но все это стоило того. Правда, о себе я успел рассказать не много, но все же достаточно, чтобы притупить бдительность этой птички. Ну, то, что жена бросила, то, что по дочке скучаю и временно в этом городе, зато неплохо устроился, есть интересная работа по части инвестиций в местную экономику, а по сути, я один из тех, кто занимается банальным рейдерством с целью обогащения. Вот собственно и все. Она о себе вообще ничего не сказала, откупалась какими-то шутками и намеками, и я посчитал бестактным лезть в ее душу. Мне было достаточно взглянуть на пару ее фото и убедиться, что она давно хочет пойти налево и ищет подходящий вариант. То, что она замужем, я был уверен.

– Сегодня? – как-то спросила она меня в переписке.

– Сейчас, – ответил я, и этого было достаточно, чтобы договориться встретиться у меня, в съемной квартире, в самом центре этого города.

Стоит сказать, что это был необычный адюльтер. Моей даме хотелось какой-то пошлой грязи, и речь пошла сразу о том, что она заскочит ко мне на пять минут и я трахну ее жестко по-гречески без всяких обязательств и намерений. Вот собственно и все.

Помню, как я ждал этого момента, ибо я всегда был и остаюсь сторонником классических отношений, а нетрадиционный секс с женщиной тогда для меня был вообще в диковинку, ну, может быть, пару раз я имел практический опыт, так для любознательности, а тут набежало, закружило, довело до извращенного возбуждения. Больше всего меня возбуждало то, что она чья-то жена. Она была высокая, стройная, с короткой стрижкой, уже не девочка, но и не сорокапятилетняя тетя. Я чувствовал себя вором чужого добра и словно брал реванш за крах моего некогда счастливого брака. Зло, причиненное мне, я причинял другому, и это было очень неправильно. Но я жил этими встречами в надежде стать лучшим в понимании женщины. Чтобы полюбить вновь, я шел этой грязной дорогой, заранее понимая, что ноги мои утопают в этой грязи все глубже и глубже.

Она была не робкого десятка, быстро позвонила в дверь, и я встретил ее со стояком и сразу повел в спальню. До этого она решила подстраховаться и написала мне сообщение, что стоит на той стороне улицы у памятника Горького и хочет убедиться, что я – это я, а именно я должен был выйти на свой балкон и махнуть ей рукой. Я собственно так и сделал, а через пять минут она уже стояла на коленях со спущенными джинсами, облокотившись локтями на диван и словно оглядывалась на меня, что я так медлю. Кстати, она была совсем не дурна, и мне хотелось расшевелить ее поцелуями, но она сказала, что у нее мало времени на все эти телячьи нежности.

– Ну, давай же! Моя попочка ждет...

«Странная женщина», – решил я тогда, и на душе мне стало вдруг неприятно. Причину этой неприятности я долго не мог определить, и даже когда все закончилось, мне захотелось поскорее с нею расстаться.

– А еще можешь разок? – спросила она меня, и я кивнул.

Мы предохранялись, и я вошел в нее второй раз довольно легко. Она не стонала, просто терпеливо ждала, когда я кончу, а мне становилось все неприятнее, и весь этот противный процесс затягивался. Потом я захотел попробовать поцеловать ее и даже поласкать ее там, но получил жесткий отказ, и мы в конечном итоге разошлись. Я какое-то время даже не верил в то, что у меня с ней что-то было, и только навязчивый, чересчур приторный парфюм напоминал мне о ее смелом визите да два использованных презерватива, скрученные одинаковым узлом, валялись на паркете.

Прошло какое-то время, я даже удалил с ней переписку, но она опять напомнила о себе, и мы опять списались. Оказалось, что ей очень понравилось заниматься со мной сексом, и что она готова продолжать в том же духе, если я не буду лезть с вопросами в ее личную жизнь.

– Хорошо, приходи сейчас. Я жду, – сказал я, находясь в каком-то подавленном настроении.

Жена в это время просила у меня нотариальное согласие по продаже квартиры, опасаясь, что я скоро передумаю и начну с ней судиться. Мне это, конечно, не нравилось, и я убеждал ее, что и так все оставляю ей и даже предлагал свою вторую машину, лишь бы она была счастлива. Но ее мои доводы не убеждали, и это злило меня и выводило из равновесия. Поэтому птичка, залетающая ко мне в форточку, оказывалась весьма кстати. Я словно отвлекался от своих проблем, спасался в блюде от душевной боли... Поэтому встречи с птичкой в таком неканоническом духе продолжались редко, но периодически, может быть даже раз или два в месяц, и каждый раз я надеялся пробудить в этой залетной женщине душу и увлечь в традиционное поле интимных отношений между мужчиной и женщиной.

Кажется, у нее была Ниссан Примера, хотя я могу ошибаться, так как особо не разбираюсь тогда в марках машины. Пару раз она подвозила меня куда-то. Надо же! Нам иногда было совсем по дороге, хотя мы никогда не сидели с ней в кафе или гуляли за руку, точно влюбленные, не пили алкоголь, не ели из общей посуды. Наша переписка выглядела совсем примитивной.

– Привет.

– Привет.

– Сегодня?

– Сейчас.

И только греческий секс, к которому я испытывал под конец наших встреч полную безразличность. Не могу сказать, что она получала тоже какое-то колоссальное удовольствие, видимо, о своих тайных пулеметных оргазмах она предпочитала молчать, а я был в ту пору не слишком внимателен к женщинам.

– Что ты чувствуешь? – как-то спросила она меня после всего этого...

– Вот уже второй месяц я чувствую себя механическим многообразным дефлоратором твоей тощей задницы, – признался я.

– Это самый правдивый ответ, который я слышала от мужчин в своей жизни, – заметила она и даже позволила поцеловать себя в щечку на прощание.

В конце концов, мы мирно расстались, но до сих пор даже спустя много лет я не могу понять, почему она все же шла на это, зачем собственно ей все это было нужно, ради чего? Может быть, у нее была какая-то смертельная болезнь, и она пыталась вылечить ее, пустившись во все тяжкие? Может, когда-то очень давно, она кого-то сильно обидела, и чувство вины заставляло ее унижаться и искать все большие унижения? Возможно, она ненавидела своего мужа. То, что каждый раз перед тем, как стать на колени, она сдергивала обручальное кольцо

со своего безымянного пальца, напоминало дань каким-то жестоким традициям, своеобразный ритуал мести. Возможно, ей доставлял удовольствие сам факт измены, и то, как чужой мужчина снимает с нее трусы, иногда грубо шлепает ее по ягодицам и вводит свой эрегированный член ей в попку.

– Сегодня моя попочка тобой довольна, – любила говорить она мне что-то вроде комплимента, и тем самым опошляла мои чувства, которые пытались зародиться в моем сердце.

При этом, она не шевелилась, не изгибалась, не вздрагивала, только едва напрягалась, превращалась в какую-то мраморную холодную статую, и лишь иногда ее рука трогала свою взмокшую киску, точно проверяла, а не нарушил ли я свой уговор, а, может быть, даже и теребила ее незаметно, я тогда не обращал на это никакого внимания, часто глядел в окно, как воруют на подоконнике голуби.

Еще у меня было одно страшное предположение, почему эта птичка залетает ко мне. Я предполагал, что эта женщина слишком любима и избалована этой любовью, но что ей и этого было мало, и она пыталась полюбить своего мужа путем искусственного роста вины перед ним. Причем, скорее всего, я был у нее не первый и не последний, кого она использовала таким образом.

Мне неприятно вспоминать об этом, особенно перед другими женщинами, которые знали меня в ту пору. Помню, как испытал стыд, когда в тот же вечер встретился со своей постоянной девушкой, практикующей разнообразие в сексе. Когда она шутливо спросила меня потом, когда у меня, счастливчика, было нечто подобное, я промолчал, потому что нечто подобное было всего лишь несколько часов назад. Вот собственно и все, что я хотел рассказать об этой благополучно улетевшей в теплые края птичке. Хотя нет...

Иногда я даже думаю, что муж ее все же все знал, уж слишком она была спокойна и расчетлива в своих преступных действиях. Он выпускал свою птичку намерено днем, в часика два, и чтоб недалеко от дома, на часок, давая тем самым свободу выбора, и каждый раз, выпархивая из своей золотой клетки, она клялась, что не вернется, и каждый раз возвращалась то ли по привычке, то ли по какому-то злему умыслу. Хозяин же ее, может быть, искренно заблуждался и верил, что такой лишней глоток свободы положительно сказывается на ее певческом даре, и птичка действительно осчастливливала его прекрасными трелями, пела вечерами и ночью, отдавая всю душу, тогда как днем терпеливо молчала под моими унылыми ласками...

Балкон над Манго

- *А мы вчера со своим парнем начали квартиру искать, будем вместе жить.*
- *Поздравляю, главное доверять друг другу.*
- *Да это есть...*
- *Советую тебе сейчас уйти.*
- *Почему?*
- *Потому что ты слаба и можешь легко свернуть с пути чистой любви.*
- *С чего ты это взял?*
- *Каждая женщина хочет, чтобы ее соблазнили.*
- *Ах, мужчины! Каждая женщина хочет внимания к себе, заботы... А вы этим пользуетесь...*

Каждый из мужчин имеет свои маленькие секреты. Кто-то любит одеваться в женские одежды и красуется у зеркала, кто-то приезжает из длительной командировки к жене и не занимается с ней сексом, кто-то вечерами курит марихуану и разговаривает сам с собой, пока за ним не придет лохматая собака. Это только начало секретного списка. Я же убежден в том, что когда я буду отходить в другой мир, за мной придет персидская кошка, прихрамывая на левую лапку. Конечно, я редко думаю о смерти, просто почему-то убежден, что так оно и будет. Наверно, заплачу тогда.

Ну не будем сентиментальными, разрешите представиться. Меня зовут Оуэн. Мое имя Вам ничего не скажет, и вообще я не знаю, почему оно пришло мне сейчас первым в голову. Просто здесь у вас на Земле принято давать имена. Одно знаю, что я мужчина, и как у каждого мужчины у меня есть свой маленький секрет. В моей миссии не было смысла изначально. Это тут в мире людей принято искать и находить скрытый смысл во всех проявлениях, к примеру, искать божественную природу и одновременно открывать шпроты кухонным ножом, но, чтобы скрыть инопланетное происхождение, мне пришлось подстраиваться под местный менталитет и играть по навязанным правилам. Хотя проколы встречаются, особенно в последнее время я расслабился. Курю кальян вчера, официантка с обезьяньим именем Анфиса вместо апельсинового сока персиковый принесла, хорошо, что водку с газировкой не перепутала, две симпатичные девушки в нарды за соседним диваном играют и флюиды в мою сторону пускают, а я держусь, смешно наблюдать за ними, лучше бы в русский бильярд играли, и то зрелищнее, вот и балдею от космической музыки и клубы дыне-яблочного дыма выдыхаю, как заядлый кальянщик. И вдруг одна из играющих поднимается и спрашивает меня: «Нравится?», а я улыбаюсь, не понимаю, что именно нравится, кальян нравится или ее движения на пуфике (когда она думает, то ерзает как на мужчине), и отвечаю: «А смысл?»

Слава богу, мои мучения заканчиваются, и я покидаю этот безумный, многострадальный и глупый мир завтра утром. В 5.05 за мной заедет водитель, и мы поедem к аэропорту, где будет ждать меня межзвездный корабль многоцелевого использования, замаскированный под ТУ-134. Вот только обидно, что сувенир не смогу захватить с собой. Начальство строгое, категорически против всяких сувениров, объясняет дороговизной топлива, что каждый грамм матрешки будет стоить приличных денег. «Никаких там матрешек, а впечатления, пожалуйста!» Да и в нашем мире не принято дарить подарки, у нас там, если говорить человеческим языком, никто никому ничего не должен, и никто ни по кому не скучает. Все это, конечно, здесь не может не отражаться на перегибах моей внеземной психики. Я однажды в самом начале вот чуть не спалился. Пришел в мятой рубашке на работу, а секретарша сделала замечание. Говорит, «тебе розовый цвет идет, но ты мятый, брат». А я ей в ответ наплел, что хочу за бесплатно найти домохозяйку, и чтобы гладила, убирала и стирала, и красивой и сексуальной

и покладистой была. И как-то сказал так уверенно, что секретарша пальцем у виска покрутила и на весь офис огласила «Инопланетянин, ты, Оуэн. Ищи таких дур на своей планете!» «Ну, ничего... может, и ждет меня кто-нибудь там,» – надеюсь про себя, а сам на ее трясущиеся сиськи пялюсь. – Вот бы перед отлетом их пощупать! Когда еще я тут окажусь. Надеюсь только, что память не сотрут, и свободного места хватит на мозговом носителе.

В этом городе никогда не вырастут бананы, и уж тем более манго, несмотря на то, что находится он на одном меридиане с Эквадором. Правда, сейчас в любом супермаркете можно найти все эти сладкие плоды вечного лета примерно по восемьдесят рублей за штуку без учета инфляции. Вообще город очень быстро развивается, приходят инвесторы, строятся дороги, жилье, деловые центры, гостиницы, открываются новые магазины.

«Манго» – одна из известных торговых марок магазинов женской одежды. Вы не думайте, что мне заплатили за рекламу. Если честно, заходил туда ради интереса пару раз, но ничего нормального не увидел, не оценил. Да и зачем мне все эти модные штучки, если завтра в 5.05 за мной заедет водитель, и я навсегда исчезну в лабиринтах вселенной. Зато если кто-то спросит Вас, а где жил тот парень, о котором речь пойдет ниже, я отвечу, что его балкон располагался над Манго. И каждому здешнему горожанину объяснять не надо, какой номер дома, какой рядом памятник и как найти это место. Все знают прекрасно, все представляют и, проходя мимо особенно вечером, всегда будут всматриваться в огни старинных окон и говорить: «Да, когда-то тут жил тот парень».

Водитель такси, типичный австралопитек, представившийся Виталиком, утверждал, что он в течение пятнадцати минут успеет миновать пробки в центре и благополучно добраться до железнодорожной станции на окраине города, куда обычно прибывали поезда с Украины, не доезжая загруженного под завязку вокзала. Оуэн раздумывал, спорить или не спорить на сто баксов, нервно поглядывал на часы и постукивал пальцами по кожаному портфелю. Вид у него был солидный, представительский, хотя денег в кошельке было лишь на оплату такси. Возможно, стоило и поспорить.

– Надо бы фары протереть, – буркнул водитель, – а то совсем ничего не видно.

Он сбавил скорость и остановился у обочины, но выйти передумал. После дождя дорога размокла, и можно было утонуть в грязи. Они снова тронулись в путь, и только тогда Оуэн увидел, как на ясном небе тень закрывает кровавый диск луны. На душе стало жутко и тревожно.

– Сегодня лунное затмение что ли? В древности событие, предвещавшее беду, – предположил Оуэн, всматриваясь в небо.

Их Хондай российской сборки свернул на запасную дорогу мимо бензозаправочной станции, огибая городской элеватор. По пешеходному мосту, переброшенному через рельсы, медленно поднимались встречающие. Поезд еще не пришел, но уже горел зеленый семафор, и где-то вдалеке слышен был протяжный предупреждающий гул.

– Ты, должно быть, путаешь с солнечным затмением, – водитель закурил, уже въезжая на территорию станции прямо к платформам.

Оуэн проглотил фамильярное «ты» и на этот раз спорить не стал, объяснив Виталику схему лунного затмения.

– Лунное затмение – это когда Солнце, Земля и Луна сходятся в одну линию, и Земля закрывает своей тенью Луну...

Виталик ничего не ответил и включил радио громче. Там звучали пошлые шутки и приколы «Камеди клуб».

Оуэна беспокоил неожиданный для всех приезд новой гостьи. Босс представил ее как свою помощницу и заранее наделил высокими полномочиями, а это говорило о том, что он, Оуэн, плохо работает и возможно от него скоро избавятся. Действительно в последнее время дела на фирме застопорились, проекты все были венчурные, и идея вливания свежей крови

была логичной. Тем более, там, на Украине, все шло совсем наоборот, с интенсивным развитием и ростом прибыли. Но Оуэна волновало другое. Почему новую гостью селят к нему в съемную квартиру, а не в гостиницу, например, и это было со стороны босса непонятно и даже неприлично. Да, Оуэн недавно разошелся с женой, переживал, но все же надеялся, а появление в его бытовом пространстве посторонней женщины отрезало все шансы восстановить отношения с супругой. По иронии судьбы именно сегодня жена позвонила и сказала, что хочет вернуть то, что они потеряли и даже готова разорвать отношения с тем..., которого родная дочь уже называла папой. И вот тебе сюрпрайз. Сало, горилка, кальян с волшебными травами, забавная украинская речь. Оуэн сразу окрестил новую длинноногую помощницу директора Виагрой (она была похожа на одну из участниц известной музыкальной группы) и предоставил ей лучшую комнату с шикарной кроватью, на которой еще так недавно он изучал сексуальное поведение местных представительниц женского пола. Конечно, с распутной жизнью надо было кончать, наверно, это сказывалось и на качестве работы, и, может быть, босс хотел ускорить принятие этого решения, подселив к нему свою помощницу. Но зачем он тогда сказал, что уволит первого, кто переспит с ней? И Оуэн чутьем понимал, что это была вовсе даже не шутка. Он приглядывался к Виагре, пытался найти плюсы от созданной ситуации. Девушка была молоденькая, высокая, худощавая, с достойным бюстом при узкой талии. Волосы у Виагры были черные и как у египетской жрицы закрывали лоб строгим прямым каре. Нельзя сказать, что она была красавицей, но это был тот тип женщин, который всегда был не досягаем для Оуэна. Обычно о таких женщинах он говорил, что их имеют только «отличники».

Конечно, положительные стороны от такого сожительства были. Например, Оуэн научился готовить настоящий украинский борщ из свиных ребрышек и знал, что сказать, если случайно окажется во Львове и к нему подойдут националисты.

– Не бэйтэ мэнэ, хлопцы... – повторял он, отгачивая акцент, а она смеялась.

На ней был легкий желтый сарафанчик на голое тело, и он так и сказал:

– Я вот все думаю, переспим мы или нет?

Виагра словно ждала этого вопроса и отрезала:

– Нет!

– Другого ответа я и не ожидал услышать.

– Ты очень груб! – девушка вскочила с дивана и ушла к себе в комнату, показательно хлопнув дверью.

Оуэн было побежал за ней вслед, чтобы успокоить, но остановился и, как нашкодивший школьник, опустил голову.

– Ты неправильно меня поняла! Скажи что-нибудь, а то я чувствую себя виноватым.

– Ладно, проехали...

Потом позвонил босс. Вместо привычной ругани его голос был на удивление мягок и добр.

– Не отвлекаю? – спросил он, смеясь.

– Что Вы, Илларион Илларионович, всегда, пожалуйста.

– Я тебе звонил недавно, у тебя телефон не доступен.

– Да, я тут в зоне аномальных явлений.

– Ты там смотри у меня, сталкер, бл., поосторожней. Зоны бывают разные... синие, белые, красные.

Многие девушки, с которыми Оуэн встречался, стали ревновать его, когда узнали, что он живет не один. Пошли скандалы, какая-то глупая ревность, да и сам он вдруг охладел к внешнему миру женщин. Каждый вечеро он предпочитал оставаться дома, они пили мартини и смотрели по телевизору фильмы, разговаривали о жизни, смеялись..., и он понимал, почему ему вдруг становилось так хорошо и совсем не хотелось пропадать вечерами по кабакам и клу-

бам. Ведь фактически в его доме появилась жена. В свободное от работы время они вместе выполняли домашние дела и даже гуляли, ходили в кино, в театр, на каток, а однажды она попросила его выбрать для нее деловой костюм, и он выбрал на свой вкус недорогой, серенький, питерского пошива. У Оуэна был один маленький секрет. Ему всегда везло с женщинами, он брал их без особых усилий, словно они принадлежали ему всегда, и то, что Виагра начинала проявлять к нему интерес, не удивляло его. Особенно теперь, когда он стал свободным и независимым, когда манящий женский мир в покорности и страстном нетерпеливом трепете затаился перед ним и он по праву какого-то дерзкого венценосца вошел в него, бестактно и грубо, открывая дверь с ноги.

– Хорошее имя у тебя, Оуэн! – сказала Виагра, немного остыв.

– Спасибо, да и сам я ниче... Вот подстригся недавно. Как говорят, жизнь налаживается. Представляешь, нашел себе личного парикмахера. И коллег по работе ему предлагаю, а он за это меня так классно стрижет... Посмотри, мне идет прическа наверх? Ах да, ты же меня не видела с другой.

По ночной аллее шли двое. Он был без шапки, чуть впереди, словно спешил куда-то. Его спутница, про себя он ее насмешливо называл «гарной дивчиной», плелась следом. В отличие от мужчины она была одета по сезону: в норковую шубку, зимние сапожки и большую меховую шапку. Было безлюдно и тихо так, что их ночной разговор отдавался эхом в пустынных, запорошенных снегом переулках старого города.

– Я и не знал, что на улице так холодно. Еще с утра капель была, а тут явно не май месяц, – замерзал на ходу Оуэн, кутаясь в легкое осеннее пальто и пряча покрасневшие от мороза руки в карманы.

– Да, ты поступил опрометчиво... да не спеши ты так... мы что опаздываем?

– Я думаю, где бы нам согреться. Кинотеатры закрыты, а в местные гадюшники не хочется идти.

– Я видела днем классную кафешку на углу Большой Садовой. Никогда не думала, что я проташусь с тобой через весь город.

– Мы можем взять такси.

В кафе все столики были заняты сладкими парочками, но иногда попадались и одинокие дамочки за тридцать, в гордом молчании посасывающие коктейли и бросающие любопытные взгляды на вновь вошедших. Хитрый официант намекнул, что может посадить новых гостей у окна, и Оуэн кивнул. Виагра уже сняла шубку, и ее красиво облегающие формы вдохновили мужчину. В кафе было темновато. Рядом с их столиком в темноте таинственного полумрака стоял черный рояль, на котором горели свечи. «Словно на панихиде по погибшим», – почему-то подумал Оуэн. За роялем скучал молоденький ди-джей в черном смокинге, с зализанными наверх волосами. Он склонился над клавишами и замер в каком-то недоумении, будто впервые изучая их. Его бледные тонкие пальцы совсем не шевелились. И если бы не одиночные ноты, которые вдруг в нервном надрыве вспыхивали сквозь заговорщицкий шепот присутствующих, его можно было принять за восковую фигуру.

– Не волнуйся, Родина тебя не забудет, – сказал Оуэн официанту, неохотно листая меню.

Виагра была довольна удачным расположением столика. Ей было интересно и хорошо с Оуэном. Они заказали по двести грамм Мартини Бианко безо льда. Оуэн загадочно улыбался и все время что-то рассказывал. Она слушала его, ощущая, как приятная сладость растекается по всему ее телу, и молча пьянела. В стакане Оуэна плавал кусочек лимона, и девушке почему-то очень хотелось попробовать его на вкус. Мужчина иногда отвлекался, брал телефон и отвечал на приходившие смс-ки.

- Что пишут? – поинтересовалась Виagra.
- Да друг пишет. Спорщик ужасный. Все время с ним спорю от скуки. Вот и на этот раз... – и ее спутник заказывал новую порцию алкоголя, на этот раз с лимоном для девушки.
- И о чем на этот раз?
- О шахматах... Вот как ты думаешь, какая главная фигура в шахматах?
- Девушка задумалась.
- Вот и я тоже задумался, – поспешил Оуэн, – друг убежден, что королева. Мол, она движет королем. А я не согласен, уверен, что главная фигура – это король, ведь без него игра теряет всякий смысл...
- А я всегда думала, что всеми этими фигурами движет рука игрока, – улыбнулась Виagra. – Рука божественной силы.
- Точно, точно! – и мужчина тоже улыбнулся в ответ. – Рука божественной силы. Хорошо сказано, черт возьми! Получается, мы оба с ним проиграли...
- В этот момент бармен поставил на столик новую порцию алкоголя. Оуэн в знак благодарности подмигнул ему.
- Вот недавно тоже спорили, какой самый распространенный элемент на земле. Он за железо, а я думал, что алюминий. И спор до хрипоты был, никто не отступал. А он у меня еще химик по образованию, упертый. Потом так и сказал, «С тобой, Оуэн, опасно спорить».
- Неужели алюминий? А я в школе читала, что ядро земли состоит из железа...
- И он так считал, но забили в Яндексe и получили нужный ответ. Потом поспорили, где населения больше по численности в Китае или в Индии вместе с Пакистаном...
- Ну и споры у вас... И где?
- Я считаю, что в Индии, он – за Китай. Стали изучать открытые источники, и знаешь, так каждый остался при своем мнении. В Китае 1,3 миллиарда жителей по данным 2005 года, а в Индии миллиард был, но учитывая население Пакистана... в общем, запутались сами.
- Как ты думаешь, сколько мне лет? – спросила вдруг Виagra.
- Прикольный вопрос. А вдруг я ошибусь и тем самым тебя обижу?
- А ты не ошибайся.
- Ну, двадцать пять, почти ровесница.
- Двадцать два.
- Ну вот... Для меня все ровесницы от двадцать двух до тридцати... – оправдывался мужчина и уже высказывал проходящему мимо официанту замечание:
- Вы иногда на нас поглядывайте, не забывайте. Да, еще по сто.
- Так зачем ты в Москву-то едешь, Оуэн? – и Виagra через столик слегка прикоснулась к его руке.
- Мужчина заметил это. Ему было приятно, и в тоже время что-то останавливало его от такой близости. Может быть, эта близко расположенная восковая фигура ди-джея, бросающая иногда на него сонные взгляды.
- Я еду навестить свою дочь и попробую помириться с женой, – ответил он честно.
- Ясно. Так вот почему ты в такой депрессии... И я, признаться, тоже...
- Она посмотрела на него затуманенным взглядом, полного понимания и сочувствия. Он вздрогнул, чувствуя, как сильно хочет поцеловать ее.
- Только надо вовремя остановиться, Оуэн... Так нельзя...
- Я уже остановился у водопада.
- У водопада? – удивилась она, не понимая, о чем он.
- Это место падающей реки... – попытался объяснить он туманно, – в самом центре черного леса. Там много дровосеков стоят и держат в руках тяжелые камни.
- Ты пугаешь меня, Оуэн... – девушка потрогала ему лоб, но он был холодный. – Какие дровосеки?

– Разочаровавшиеся в своем деле. Они стоят и смотрят вниз на падающую в пропасть воду. Вода увлекает их своим падением, и вот стоит одному сделать шаг вперед, и он падает, и все начинают падать. В полете они сжимают камни, камни утягивают их вниз со страшной скоростью, им не выбраться... Этот водопад – место прощения своих грехов. Ты, наверно, не понимаешь, о чем я...

Виагра прижалась щекой к его шее, с блаженством вдыхая запах его одеколona. Оуэн закрыл глаза, чувствуя, как ее слабые, пьяные губы касаются его кожи.

– Оуэн... ты такой классный, такой необычный, – шептали они. – Мне никогда не было так хорошо ни с кем. У тебя есть преимущество перед другими... ты простил себя и можешь выбраться оттуда, из этого ужасного водопада, но прежде чем сделать это, пожалуйста, поцелуй меня. Мне этого так не хватает, понимаешь...

Девушка погладила его по голове, восхищаясь его густой шевелюрой.

– На ощупь ты настоящий, большой бурый медведь... – улыбнулась она, и когда его руки под столом незаметно от окружающих прошли по ее коленям, она не остановила его...

«Да, – пришла вдруг нелепая мысль Оуэну, – этот хитрый официант сдерет с меня по полной».

– Я ни о чем не жалею! Твоя мать оскорбляла меня в своем доме, и я не мог молчать, и то, что я назвал ее серым кардиналом, загубившим судьбу старшей дочери и губящей счастье младшей, я не жалею. Здорово она придумала и решила все и за меня. Нет уж, спасибо! Это надо же, оплачивать квитанции о разводе и без моего согласия договариваться с мировым судьей и все за ширмой, а меня пригласить, выманить из клетки, обещать все решить, а потом потребовать развод. Разве это не бред, Лаура? Разве это не удар ниже пояса? Если ты меня любишь, то зачем развод? Твои объяснения, что мы сразу же поженимся, и ты не желаешь продолжать этот опoшленный изменами брак и хочешь все начать заново, звучат неубедительно. Пока не дашь мне справку от психиатра, никаких подписей! Слышишь, хватит с тебя брачного договора, после которого я и так на улице, ничей и никому ненужный, твой любимый Оуэн. А твое предложение... разве оно не абсурдно. «Можешь переночевать у соседей. Заметь, не у тебя, а точнее, у себя, а у соседей. А рядом за стенкой в соседней квартире будет моя дочь, жена, моя любимая собака и этот... Нет уж! Я себя еще уважаю, и никакая старая ведьма не запудрит мне мозги о моей недостаточной мужественности. Да кто она вообще такая? Несчастливая, неудовлетворенная жизнью тетка, постоянно пьющая кровь собственных дочерей и сделавшая раньше времени из мужа импотента? А ее угрозы, что я не увижу больше родную дочь?

Оуэн был в гневе.

– Зачем ты это говоришь. Зачем? Я уже собрала вещи и собираюсь ехать к тебе. Не надо обижать мою маму.

– А мне плевать на нее. Всю жизнь ее терпел. Если ты меня любишь, то приедешь ко мне, не смотри ни на что! Пусть даже я буду против! Слышишь?

– Оуэн, я за рулем! Мне врачи запретили волноваться. Оуэн...

– Ладно, извини... – стал остывать он. – Давай поговорим позже.

– Скажи мне что-нибудь приятное, Оуэн.

Он вздохнул. На душе у него было больно.

– Я тебе люблю и очень хочу, чтобы мы были вместе... И в том, что ты ведешь себя нелогично и сильно огорчаешь меня, моя вина тоже есть.

– Мы так безвозвратно отделились, столько боли причинили друг другу, и все равно какой-то дьявол заставляет звонить тебе. Помоги мне, пожалуйста, тебя разлюбить..., мой

маленький мальчик, миленький, хороший, ради счастья дочери... Ты же знаешь, какая она чувствительная, не может заснуть без мамы... – умоляла она.

Он слушал ее горькие слезы и вспоминал далекую Родину. Где-то там за тысячи световых лет в кипящих водах Мертвого океана под мощные разряды могучих молний и вихри адских соленых ураганов зародилась его душа, и сейчас, изнывая от боли, эта душа трепетала, в надежде освобождения, пыталась вырваться из телесного плена. Творец милосердно улыбался, распахнув широко свои объятия, и в волшебном сиянии нашептывал что-то едва уловимое: «Первые станут последними, а последние первыми».

Оуэн посмотрел на часы, осознавая, что и в аду можно любить. Это понимание было единственно ценным, невесомым даром, который можно было забрать с собой. Было 5.00 утра. Город еще спал. От балконной двери пахло снегом и ночным спокойствием. Босым он вышел на маленький балкончик над «Манго», съезживаясь от холодного ветра. Напротив, через дорогу, располагался городской парк с аллеями, по которым он часто ходил с влюбленными в него девушками. Он горько улыбнулся, вспоминая победы, но не ощутил их сладость. Внизу, прямо под балконом жалобно замыкала кошка, и глаза мужчины заблестели от слез. Еще долго в опустевшей комнате надрывался мобильник, пока окончательно не разрядился, и напрасно водитель на заднем дворе матюгнулся в досаде, беспокоясь, что они опоздают на межзвездный корабль.

Мечта

– А как ты думаешь, верблюды едят кофейные зерна?

– Спроси у верблюдов...

По небесному куполу во всей красе разлился сверкающим бисером Млечный путь, но где-то вдали уже зарождалось пятно песчаной бури. Оно постепенно стирало бесценную акварель Великого Художника и поднимало за собой высокие, уходящие под самое небо столпы пыли и хаоса. В эту рождественскую ночь дюны двигались особенно, какими-то праздничными рывками, и самая старая в мире прибрежная пустыня, как взбиваемое покрывало, поднималась и плавно опускалась волнами, пытаясь стряхнуть с себя вереницу людей, верблюдов, повозок, упрямо ползущих к океану, к спасительному порту Алья Масоро. Зыбучие пески таили в себе смертельную опасность, но караван опасался не их коварных объятий, и даже не приближение бури. Люди боялись Калли, и это имя редко произносили вслух, опасаясь навлечь несчастье. Лишь бывалые охотники, нажевавшись гашиша у больших костров, под покровом ночи со страхом и преклонением шептались о нем. Обычно этот слон пасся в нижней части Килиманджаро, богатой растительностью, любил чесать брюхо о баобабы и гонять по саванне зазевавшихся краснозадых павианов. Они напоминали ему «двуногих», которых он ненавидел пуще всего на свете. Караванщики были бессильны перед его гневом, пули лишь царапали кожу, словно он был заговоренный или мираж. Выжившие свидетели навсегда запоминали, как появлялся он, словно из ниоткуда, и громко трубя хоботом и угрожающе перебирая исполинскими ногами, несся на караван вместе с облаком пыли. Его не испугивал ни первый выстрел, ни страшили даже собаки, ни горящие факелы. Вся семитонная мощь сминала и крушила повозки, втаптывала в песок выпавших из них людей и товар, поднимала на бивни верблюдов. А Калли уходил так же неожиданно, как и появлялся, после него оставался стон и плач выживших. Местные бедуины верили, что это злой дух пустыни, мстящий человеку за излишнее высокомерие и самонадеянность, поэтому объявленная на Калли охота и даже вознаграждение воспринималась ими не более, чем бред белого человека.

– Если жена уходит к другому, неизвестно кому повезет! – сказал караванщик Али.

Он был бывалым капитаном, ведущим караван сквозь безводные пустыни к порту Алья Масоро. На этот раз меркнувшие в пучине пыли звезды подсказывали ему, что надо спешить. Рядом с ним сидел экспедитор, чернокожий Альберт, который удивленно взглянул на караванщика, и, не понимая, к чему тот клонит, решил промолчать, но Али продолжил:

– На все воля Аллаха. Надо прожить время, чтобы понять. И зря не стоит грустить...

Лицо экспедитора Альберта, напряженное и пепельное, со следами недавней оспы, сморщилось в обезьянью гримасу и оттого стало еще более не человеческим, с выструганными грубыми чертами, подобно деревянной маске индейских шаманов. От караванщика тянуло контрабандным самогоном, и он боялся, что запах, так молниеносно распространяемый по пустыне, привлечет Калли. В прошлый раз они потеряли двоих погонщиков и верблюда, не считая материальные убытки в виде растоптанных в прах ста мешков восточных пряностей. Али заметил тревогу своего чернокожего напарника, крепко сжимающего в руках тяжелый гранатомет.

– Ты все надеешься, что это отпугнет духа, – насмешливо ухмыльнулся караванщик, – как ты глуп и наивен, подобно белым людям!

– Я бы на твоём месте не оскорблял бы человека с оружием... даже если у него иной цвет кожи – раздраженно ответил Альберт, тревожно всматриваясь в темноту.

Али блеснул желтой гнилью зубов и махнул безнадежно, как на непутевого, широкой, подобно веслу, ладонью. Затем он, ритуально омыв лицо, обратился к небу. Альберт плохо

понимал арабскую речь, но почему-то был уверен, что ведущий караван молится о чудесном спасении, и в этом диковинном подшептывающем завывании и злобном оскале араба было что-то волчье-дикое и в то же время священное и проникновенное, отчего душа экспедитора затрепетала, ощущая взгляд молчаливого бога.

– Почему мы остановились, отец? – поинтересовался светловолосый мальчик, одетый в модный пиджак сафари с множествами карманов для патронов, ножа, фляги, бинокля и всего того, что может пригодиться в пустыне.

Ему было не более семи лет. Милые черты лица, курносый носик, золотистые солнечные кудри, синие глаза и голос, наивный, мягкий и одновременно звонкий и чистый, сильно контрастировали с мраком пустыни. И мрак рассеивался, а сама пустыня, казалось, вдруг осознала какую-то неведомую тайну и в удивлении тоже замерла и задумалась, что даже звезды, утомленные бурей, местами проклюнулись, как всходы первой озими.

– Оставайся здесь, я пойду и узнаю, – сказал сурово отец.

Он был высокий мужчина лет пятидесяти, уже седой, с аккуратной прической. По четким волевым движениям и как резво он спрыгнул на землю, опираясь одной рукой за край повозки и, как, не дожидаясь возражений сына, растворился в темноте, можно было предположить, что он из бывших высокопоставленных военных. Скорее, из старших офицеров. Ребенок печально проводил тень отца взглядом, присел на постель из персидских ковров, поджал свои худенькие ножки и обнял их, пытаясь согреться от холода. Он стал послушно ждать, прислушиваясь к звукам ночи, и скоро отец вернулся.

– Арабы поссорились с женщинами...

– С женщинами? – непонимающе спросил сын, вслушиваясь, как действительно где-то в хвосте каравана ругаются люди.

– Караван идет слишком медленно, и буря может настигнуть нас, поэтому погонщики решили облегчить верблюдов. Мы тоже пойдем пешком. Возьми мою походную шинель.

– Я не хочу идти пешком, – захныкал мальчик, – я замерз, папа!

– Давай слезай, заодно согреешься, – приказал отец. – Здесь пустыня, сынок, и мужчины должны быть солидарны друг с другом, чтобы выжить.

Калли захлопал ушами и, стряхивая с себя липкий песок, ринулся в сторону шума. Его лунные глаза отлично видели в темноте серую полоску каравана, и жгучая месть, рождающаяся в огромном сердце животного и не находя уже места, протяжной чумой гонга разнеслась по всей пустыни, достигнув даже саванны. Впереди были враги! Эти маленькие прямоходящие обезьяны, истребившие всю его семью ради забавы. Враги, которые ставят у водопоя железные капканы. Враги, которые создают гром и молнию, пытаясь отпугнуть его, бесстрашного Калли. Сейчас он разматывает их вдребезги, а потом буря спрячет убитых и обломки повозок. И если повезет, он, Калли, напьется жгучей воды из раздавленных бочек, и одурманенный будет трубить на всю пустыню о своей славной победе. И пусть его слоненок радуется вместе с ним, прыгая по белым облакам, а нежная Эбби спустит с неба сочную гроздь дикого винограда и будет щекотать хоботом ему брюхо, как когда-то давно, когда они были вместе...

Вдалеке караванщик различил огни Алья Масоро и облегченно вздохнул. Калли никогда не видели у больших городов. Да и сама песчаная буря поворачивала куда-то влево, словно внемля молитвам милостивому Аллаху. Али воздал Ему вновь и, взяв в пригоршню несколько кофейных зерен, стал монотонно жевать. Ему было стыдно, что накануне он поддался соблазну и нарушил строгий запрет не пить алкоголь, положившись на темноту ночи.

– Как ты можешь есть такую дрянь!? – возмутился Альберт, – даже верблюды не едят это.

– Это лучше, чем курить табак, хочешь? – и караванщик, громко причмокивая, протянул Альберту свою широкоую ладонь с зернами.

– Нет, спасибо, у меня от них начинается изжога, – экспедитор поморщился.

– Изжога у тебя из-за злобы, – ухмыльнулся Али, – моя старуха говорит, что надо больше мечтать, чтобы быть здоровым.

– Мечтать? Да я еще тот известный мечтатель! – возмутился экспедитор и гордо ударил себя в грудь.

– О чем же ты мечтаешь, интересно узнать? – хитро прищурился араб. Он явно относился к своему чернокожему другу с каким-то снисхождением, что бесспорно поддевало самооценку последнего.

– Я мечтаю, чтобы все женщины были птицами, – прошептал Альберт, чтобы никто из посторонних не слышал, о чем он говорит.

– Это почему же? – удивился Али. – Какой в этом толк, друг? Ты хочешь, чтобы их разноцветные юбки парили над нами? Запомни, – и он многозначительно поднял палец вверх. – Аллах поставил мужа выше жены.

Верблюды неожиданно встали как вкопанные, и капитан каравана крикнул что-то на арабском, чтобы предупредить охрану. Ему сразу отозвались с разных сторон, и он, стараясь не показывать тревогу, повторил свой вопрос:

– Почему же ты хочешь, чтобы женщины были птицами?

Экспедитор тоже почувствовал приближение опасности. На его негритянском лице с острыми скулами и плоским окольцованным носом выступила испарина, и плоские пепельные губы зашевелились, выдыхая звуки, когда он услышал угрожающий топот животного.

– Однажды в бескрайней пустыне, – сказал он, направляя гранатомет в темноту ночи, – когда за мной будет гнаться бешеный слон, одна из птиц спикирует и поднимет меня в небо и спасет...

Альберт замолк, прислушиваясь. Его палец был на спусковом крючке, но он не знал точно, куда направить смертоносный снаряд. Топот слона прекратился, словно он сменил тактику и осторожно подкрадывался к ним, один, жаждущий мщения, в крошечной темноте, и от этого людям стало еще страшнее.

– Калли! Калли! – прошел шепот по каравану, окончательно посеяв панику в сжимающейся от страха душе экспедитора.

– Ну вот, мой мальчик! У тебя есть шанс осуществить свою мечту, – ухмыльнулся Али, сплевывая остатки зерен на песок. Его ухмылка не понравилась Альберту. Он вдруг подумал о хозяине.

Автоматная очередь прекратилась. У кого-то из охраны сдали нервы, либо слон ударил его. Али и Альберт прислушивались. Все также неугомонно свистела буря, обходя караван, но ее дыхание все же касалось испуганных лиц людей мелкой, песчаной, болезненной дробью. Альберт натянул на рот шарф и все еще не мог прийти в себя. Давно он не слышал хруст человеческих костей, и сейчас слон-убийца где-то был рядом и возможно выбирал новую жертву.

– Осторожничает... – прошептал язвительно караванщик, и было в этом слове «осторожничает» что-то шутливое и одновременно пугающее.

– Изводит, сука, словно играет с нами, как кошка с мышкой, – сказал один охранник, – говорят, у слонов долгая память.

– Это верно! Слоны ничего не забывают, – вмешался в разговор другой охранник.

– Али, как ты думаешь, он ушел? – прошептал Альберт, не обращая внимания на болтовню охраны.

– Думаю, да... Его что-то спугнуло... Возможно, наши страшные танцовщицы из последней повозки, – ухмыльнулся Али и дал отмашку ведущему тронуться в путь.

Караван медленно пополз в сторону огней порта. Альберт смотрел, как буря подгоняет в спину людей, играя с белизной их просторных бедуинских одежд, и печально вздыхал. Его мечта так и не осуществилась.

Калли толкнул хоботом прямоходящую обезьяну, и та кубарем слетела с верблюда. Опять сверкнули молнии и громы, но слон ушел в темноту и стал обходить караван с другой стороны. Болезненные укусы в бок только разожгли ненависть. Животное внимательно выбирало цель для следующей атаки. Оно осторожно подошло к одному из крайних обозов и, уловив запах пота, которые выделяли прямоходящие обезьяны, когда боялись его, неустрашимого Кали, гневно блеснуло глазами. На это раз запах смешивался с чем-то сладким и приятным. Пряниками и конфетами. Слон отодвинул хоботом занавес повозки. Внутри сидел детеныш человека, такие часто плескаются на водопоях у подножия Джа Ала и пугают своим задорным смехом даже глухих крокодилов. Калли протянул вперед хобот и дотронулся до лица малыша. Оно было теплое, банановое. Ребенок зажмурился, а когда очнулся, Калли не было рядом, потому что Калли знал, что такое потерять детей, он не опустится ниже безжалостной кобры, поедающей кладку черепахи. Калли благородный! Калли добрый!

Бабушка, я лечу к тебе!

– Бабушка, я лечу к тебе, – раздавался голос ребенка в телефонную трубку, и никто не знал, что этот детский радостный голос уже неминуемо мчится сквозь грозовой фронт в самое страшное пекло стихии.

Пожилая женщина вышла на крыльцо. Было раннее утро, и только дворник Матвей печально мел во дворе опавшие листья, словно косил в поле траву, и женщина вспомнила своего мужа, который с первыми лучами солнца каждое утро уходил на сенокос. А она ждала его к обеду, с любовью накрывала на стол белую скатерть, ставила кастрюлю с вареным картофелем в сливочном масле, посыпала его обязательно зеленым укропчиком, доставала из погреба кувшин с прохладным молоком и разделявала селедочку. Деревню снесли, и на том месте давно выросли многоэтажные дома разрастающегося как раковая опухоль мегаполиса. Вместо проселочных, вязких дорожек проложили проспекты, по которым куда-то спешили машины, и жизнь изменилась. Люди стали другими, и она, Антонина Павловна, наверно, тоже стала другой. Прошло пять лет, как она овдовела. Врачи говорили, что это был инсульт, но кто кроме Антонины Павловны мог лучше знать, что причина смерти ее мужа была в тоске по внукам. Она сама каким-то чудом пережила эту трагедию, и раз в год в день той ужасной авиакатастрофы под Донецком отправлялась на место крушения авиалайнера, словно собиралась в гости к дочери. Женщина покупала детские игрушки, обычно куклу Вале и робота Коле, зятю перцовку, а дочери пекла пирожки с капустой, которая та при жизни обожала, но так и не научилась печь.

На этот раз подвело здоровье, ноги совсем не слушались, и Антонина Павловна, повздыхав и поохав, решила никуда не ехать, а встретить годовщину дома в своей маленькой квартире с котом Васькой. Конечно, в ее жизни были потом мужчины, но ей так и не удалось полюбить кого-то из них. Наверно, Антонина Павловна об этом жалела, потому когда, как не сейчас ей требовалась поддержка, но, не находя ее, женщина выходила на крыльцо, садилась на влажную от росы лавочку и долго, долго смотрела на пустую детскую площадку.

В это утро к ее ногам спустился белый голубь. Птица стала клевать разбросанную у лавочки шелуху от семечек, и, казалось, вовсе не замечала женщину, словно это был не живой человек, а памятник, и Антонина Павловна даже согласилась с такой мыслью.

«Я живой памятник, и с моим уходом останется лишь забвение, и некому будет помнить о Валечке и Колечке. Может, на том свете мне разрешат повидать моих внуков, ведь священник сказал, что они попадут в рай, и эта трагедия – всего лишь напоминание, что все мы временно пребываем на этой земле, на этом воздушном шаре, который рано или поздно все равно лопнет, не выдержав накопившуюся боль человеческих страданий. Господи, а куда попаду я?»

У голубя были ярко-оранжевые глаза, и Антонина Павловна вспомнила, как учила рисовать Валюшку красками, и внучка все время забывала споласкивать кисточки, от чего цвета перемешивались: апельсины получались красно-синими, а крокодилы зелено-фиолетовыми с черными и голубыми разводами.

– Пять лет прошло как один день! – подумала женщина вслух, и, словно соглашаясь с ней, голубь начал ворковать. Дворник Матвей подбирался к подъезду, и птица, напуганная шумом метлы, взлетела в нахмуренное небо и растворилась в скрученных его облаках, а Антонина Павловна подумала, что белый голубь – это к хорошему и, наверно, вскоре она услышит какую-нибудь радостную весть.

– Тоня, слыхала, что пенсии с 1 декабря повышают на пять процентов, а инвалидам труда аж на десять! – сказал вдруг дворник Матвей. Он прекратил мести и присел перекурить на ту же лавочку, где сидела Антонина Павловна.

– А что толку, если цены в магазинах растут как на дрожжах, издевательство какое-то! – поддержала разговор женщина и уже собиралась уходить домой, как вдруг увидела на детской площадке девочку. Она была одна и играла в песочнице.

– Гляди, совсем родители с ума сошли! Оставлять одного ребенка, да и в наше-то время. Когда кругом органами торгуют и людей воруют, – возмутилась женщина.

– Да! – согласился дворник, – помню раньше коляски с детьми во дворе стояли и никого. Идешь мимо, ребенок заплакал, покачаешь и дальше идешь. А сейчас, эх!

И мужчина махнул рукой.

– Я, Тоня, уже весь двор перемёл, хочешь, пойдём ко мне чаю попьём! Я тебя тут в такую рань каждый раз вижу и уж привык к тебе, а сегодня почему-то решил угостить тебя чаем.

Антонина Павловна перевела свой тревожный взгляд с детской площадки на Матвея и присмотрелась к дворнику. На вид ему было около 70 лет, но старик был жилистый и крепкий, словно сделан был из стали, и, если бы не старость, которая оставляла свои следы на его лице в виде глубоких морщин и вздутых синих вен на руках, Антонина Павловна бы подумала, что ей делают предложение. Она даже улыбнулась, и Матвей тоже улыбнулся, показав свои желтые редкие зубы.

– Говорят, сегодня будет снег... – продолжил дворник, – Тонь, ты лыжами-то запаслась?

– Да лыжами запаслась, только палки нужны.

– Да пару палок могу подбросить, – и старик засмеялся.

– А, старый и тебя туда же! Иди мети лучше! – и Антонина Павловна встала и, опираясь на трость, медленно пошла в сторону детской площадки, где играла девочка. Девочка была в вязаной шапочке и в куртке с изображением Микки Мауса.

– Здравствуй, Красная Шапочка, ты чего одна тут играешь? – спросила Антонина Павловна, тяжело дыша. Несколько шагов дались ей нелегко. Девочка повернула голову и деловито сказала:

– Мама уехала с дядей на машине, и сказала, что на меня папа в окно смотрит, а она сама скоро вернется. Я в этом доме живу!

«Такая красивая девочка, словно куколка с картинки», – с умилением подумала Антонина Павловна.

– Ты девочка только никуда не улетай, я уж присмотрю за тобой, пока мама не вернется.

– Бабушка, а разве дети могут летать? – засмеялась девочка и продолжила лепить куличики из песка.

У Антонины Павловны задрожал голос, и она еле сдержала слезы. «Может быть, Валюша прилетела ко мне в виде того голубя? А я, дура старая, даже семечек не дала».

Вертолет стал кружить над районом и спускаться. На его брюхе видна была надпись «ЦЕНТРОСПАС». Пугающий рокот заставлял вибрировать стекла окон, и женщина перекрестилась, когда вертолет скрылся за крышей дома, утягивая за собой воздушные потоки с листьями. Подбежавший дворник Матвей сквозь шум прокричал:

– Тоня, что-то случилось! Авария какая-то. Видишь, спасатели летят! Я пойду в ЖЭК позвоню Петровне, может, она знает...

Кошмар

– Наймонд! Ты никогда не убежишь от меня! – закричал где-то за спиной пронзительный женский голос, похожий на раскаты грома и завывание ветра.

Наймонд карабкался вверх по скользким, острым камням, но ноги и руки предательски не слушались. Он спотыкался, скользил, силы покидали его, и он чуть ли не плакал, точно маленький испуганный мальчик. Тем временем, дождь усиливался. Кровавое небо низко нависало над беглецом, и красные липкие капли спадали сверху какими-то нитями, мочили беглеца и камни, по которым он карабкался вверх. Ему было невыносимо от обилия этой крови, но больше всего было невыносимо от жгучего голоса беспощадной к нему женщины.

– Оставь меня в покое! Оставь! – закричал Наймонд и, не удержавшись, кубарем полетел вниз, больно ушибаясь о выступы горы, весь перепачканный кровью, своей и чужой.

Там внизу он лежал какое-то время, пытаясь подняться, но только приподнял голову, находясь в какой-то ущербной, жалкой позе упавшего, на коленях, с упирающимися о мокрую землю руками. Перед ним стояла женщина без лица, та самая, что преследовала его. Он захныкал, заревел, кусая кулак до боли и понимая, что расплата неизбежна.

– Уйди, уйди... – вопил он, но странная женщина не уходила, и он чувствовал ее присутствие даже тогда, когда закрывал глаза.

«Почему у нее нет лица? Почему? – спрашивал себя Наймонд, но не находил ответа.

Словно пьяный художник закрасил все бесцветной краской, затер глаза, рот, но упавший мужчина все равно узнал в ней свою первую жену Риту.

– Наймонд, отдай мое сердце! – потребовал голос, и мужчина увидел, как половые губы женщины шевелятся и раскрываются, подобно рту.

– Уйди, уйди... – все еще настаивал он, всхлипывая.

Из-под ее правой груди вдруг потекла кровь. Она стекала по всему телу, и когда женщина стояла на месте, вокруг образовывалась красная вязкая лужа, медленно разрастающаяся и подкрадывающаяся к Наймонду. Тогда он в каком-то диком животном страхе попятился на четвереньках и закрыл себя руками, словно защищался от удара.

– Тебя не существует, это кошмар! – закричал он, пытаясь проснуться.

Женщина без лица зловеще засмеялась. Этот смех проникал в душу подобно раскаленному лезвию маньяка, кромсающего без преград и пощады.

– Прекрати! Я не могу больше слушать твой смех! Умоляю, Рита!

В тишине ночи раздался истошный крик мужчины. Крик, от которого холодеет душа и леденеют конечности. Крик, от которого хочется заткнуть уши.

– О Господи! Это хозяин! – вздрогнул швейцар и от неожиданности разбил китайскую вазу.

Он печально посмотрел на осколки бесценного творения мастера Ли и, словно очнувшись от оцепенения, бросился вверх по лестнице. По дороге швейцар споткнулся о ступеньки, ушиб лоб, но не прекратил движение. Крик становился все громче и от того ужаснее, но когда швейцар остановился у двери хозяина, все резко смолкло. В этой контрастной тишине слуга отчетливо слышал свое учащенное от спешки дыхание. Затем немного успокоившись, он прилизал прическу, поправил на шее бабочку и тихо постучал. Дверь была не заперта и от удара его костяшек сама со скрипом отворилась, но слуга еще успел подумать, что непременно надо смазать эти чертовы петли, от скрипа которых у него у самого скоро сдадут нервы.

– Месье, опять кошмары? – спросил деликатно Альберт, стараясь не показывать беспокойства, глядя на бледного хозяина.

Тот неподвижно лежал в скомканных простынях. Его потухший, редко моргающий, влажный от слез взгляд уставился в потолок.

– Могу ли я быть чем-нибудь полезен, месье? – спросил опять швейцар.

В этой тишине он даже подумал, что разговаривает с трупом, но хозяин повернул к нему голову.

– Она опять приходила ко мне, она не успокоится, пока не причинит мне боль. Разве я не искупил свой грех, Альберт? Разве я не помогаю людям?

– Месье Наймонд, Вы очень добрый человек, и то, что она Вас так мучает по ночам, это несправедливо.

– Спасибо, Альберт, только ты меня понимаешь, – вздохнул хозяин и накрыл свое лицо простыней.

Швейцар посмотрел на тарелку с нетронутыми таблетками и с сожалением покачал головой.

– Месье, Вы опять забыли выпить лекарство! И мне очень жаль, месье... – здесь Альберт запнулся, он больше всего боялся запнуться именно в этом месте, собрался с силами и сухо добавил фразу, которую целую ночь репетировал перед зеркалом.

– Мужайтесь, хозяин! С Вашим сыном произошло несчастье...

Немного спустя.

В церкви было всего лишь двое. Наймонд подошел к иконе с изображением Пресвятой Богородицы и зажег свечку от другой. Какое-то время он задумчиво смотрел на слабый и дрожащий в его руке огонь, способный погибнуть от сквозняка и дыхания. Позади него стоял его верный чернокожий слуга Альберт.

– Господи, прости меня! Умоляю, прости меня! – перекрестился Наймонд и воткнул свечу в песок кандилы.

Затем он сделал шаг назад и, обернувшись к Альберту, с грустью спросил:

– Вы нашли претендента?

– Да, месье, вполне достойный молодой человек, – кивнул слуга и заботливо накинул на плечи хозяина пальто, – уверяю Вас, он не промахнется!

Кукла

– А как ты думаешь, я буду еще счастлива?

*– Да, и сладкими ночами будешь прижиматься к любимому,
и с замиранием сердца слышать,*

как где-то рядом посапывает ваш малыш.

Слово Сказочника.

Ночной экспресс уносил ее прочь. В окнах мелькали огни безымянных станций, а когда проходил встречный поезд, внезапно нарушая тишину своим ужасным свистом и скрежетом, ее нежное сердце вздрагивало. Еще целая ночь впереди, а наутро Олеся будет дома, там ждет ее Сашка и мать. Она представила сцену, как обнимает дочь и дарит куклу. Иногда поезд замедлял ход, особенно возле крупных станций, и девушка видела одиночные силуэты людей, терпеливо ожидающих своего часа. При набирании скорости поезд вздрагивал и, словно уставший бурлак, глубоко вздыхая, тянул ляжку тяжелых вагонов дальше. Все напрягалось, боясь разорваться, но ничего не происходило, разве что позвякивал граненый стакан в железном подстаканнике. В купе никого не было, да и кому надо ехать через всю страну в разгар эпидемии...

В дверь тихо постучали. Олеся встала с кровати, отложила истерзанный кроссворд и, закутавшись в халат, отворила защелку. На пороге стоял небритый проводник, кажется, податый, с заспанными красными глазами...

– Извините, сударыня, – с какой-то долей иронии промолвил он. – В тесноте да не в обиде.

В купе зашла женщина, чуть старше ее, немного полная и круглолицая. Она присела на край свободной кровати и, не раздеваясь, словно стесняясь, затихла.

– На улице дождь? – спросила Олеся, глядя на мокрый нелепо красный плащ новой попутчицы. Та улыбнулась в ответ, и было что-то в этой улыбке печальное.

– Да, вы знаете, когда идет дождь – это значит, что где-то умерла любовь. На этот раз только моросит. Значит, неважная была любовь, – снова ухмыльнулась незнакомка. – Меня зовут Рита.

«Странная женщина», – подумала Олеся и, закрыв глаза, попыталась уснуть, но ощущение, что она не одна, мешало ей. И, хотя попутчица погасила свет, в воздухе повисла какая-то недосказанность.

– Да, неважная была любовь. Вы спите? Просто мне нужно высказаться. Это так. Минутная слабость. Просто проводник хороший попался. Не обращайтесь внимания, я через три часа схожу.

Олеся присмотрелась. Сквозь темноту она увидела женщину, по-прежнему сидящую в плаще и так же загадочно улыбающуюся.

– Мы с мужем прожили вместе пять лет. Он был старше меня на пятнадцать и безумно хотел детей. На втором году жизни в браке я забеременела, он был счастлив, я его обожала! Мы так ждали ребенка. Тест на беременность когда положительный был, плакали от счастья. Ничего больше и ненужно было. Обследовали меня в лучшей клинике, все мои капризы исполнили, на руках носили, пылинки сдували. Муж у меня видный бизнесмен, за ним, как за каменной стеной. А потом...

– У Вас что-то случилось? – не выдержала Олеся. – Понимаете, что бог не делает, все – к лучшему!

Рита засмеялась, потом внезапно замерла, как будто задумалась над словами Олеси.

– Да... Банальная ошибка врачей. Мертвый малыш. Я его даже не видела. Если только во сне, и уже почему-то взрослого. Все это как-то смешно! Не могу поверить, что это все со мною было. Муж меня не понимал: представляете, сороковой день, а он уезжает с друзьями

в Лондон. Сидел целые сутки мрачный, трубку курил, я не выдержала и сказала ему «уйди прочь», а он взял и ушел, а потом вернулся, просил прощения, говорил, что любит.

Олесе захотелось обнять Риту, она пыталась подобрать нужные слова, но ничего в голову не приходило.

– Мне искренне жаль Вас, Рита, но Вы молодая, и у Вас еще вся жизнь впереди. Видимо, суждено Вам что-то понять. Испытания так просто не даются.

– Понять? – Рита снова улыбнулась. – Да я все поняла, когда раздвигаешь ноги по десять раз в день. Да только дура я была, в провинции денег не зарабатываешь!

Наступила опять тишина, только слышался монотонный стук колес. Олеся потянулась к стакану: что-то запершило в горле. Кипяток уже остыл...

– Да что вы воду-то пьете? – удивилась Рита. – Хотите, я Вас угощу настоящим армянским коньяком? Вы знаете, что Арарат вовсе даже не в Армении? Да это и не важно.

Попутчица достала бутылку коньяка, поставила ее на стол и тяжело вздохнула:

– В последующие три года мне так и не удалось забеременеть вновь. Врачи говорят, что никаких патологий нет – рожать да рожать! Однажды он ушел по делам, а мобильный оставил в коридоре. Пришла СМС. Я открыла, вот дословный текст, он врезался в моей памяти навсегда: «Милый, ты скоро станешь папой, бросай свою ЭТУ и переезжай ко мне. Твоя Анютка». Сердце остановилось, мне хотелось умереть. У них родился сын, а я одна. Он говорит, что по-прежнему любит меня, а с ней только ради ребенка. Я не могу его видеть, но все еще люблю. Я не знаю, как жить дальше, как восстановить разрушенную гармонию, пытаюсь видеть позитив в мгновениях. Вокруг меня много мужчин, их тоже притягивает моя печаль. Но все они пролетают мимо, словно безликое существо – человек без лица. Зачем я рассказываю Вам об этом? Возможно, чтобы понять, что мы не одиноки в этом мире.

Какая-то неведомая сила понесла Олеся по склонам зеленых холмов, мимо снежных шапок над россыпью кристально чистых озер. Высоко-высоко в горах она видела, как берет начало родник, и его звонкое дыхание, переключаясь с криками орлов, заглушало тревоги и страхи. Олеся так и не заметила, как прониклась к этой женщине. С каждым словом она открывала для себя что-то новое, и уже полнота Риты казалась ей очень женственной и привлекательной, а красный плащ как никогда подходил к цвету губной помады ее новой знакомой.

Уже потом Олеся все сваливала на необъяснимый синдром попутчика, но это было потом. А когда подействовал алкоголь, она рассказала, как ждет уже полгода своего мужа, который сидит по нелепой случайности в тюрьме, что осталось еще каких-то полгода. И как решила навестить мужа в их четвертую годовщину свадьбы, но из-за внезапного карантина посещение заключенных отложили на неопределенное время. И как тяжело ей одной, когда кругом подружки только и говорят о своих любовниках. И что везет куклу в подарок своей дочери Сашке. Что как-то на днях к ней приставал генеральный директор и предлагал какой-то смешной порошок, выводящий из депрессии.

Олеся даже показывала подарок Рите и уверяла, что кукла не китайская, а наша, российская, но Рита почему-то не верила и утверждала, что наши такое не делают, и приводила какие-то неубедительные доказательства. А последний тост был почему-то за добрых людей, упоминался проводник и какой-то священник, но Олеся уже тогда ничего не понимала. Потом она припомнила, что священник был вовсе даже не священник, а какой-то знакомый Риты, облачающийся в монашескую рясу и по ночам пугающий прохожих, осеняя последних крестным знаменем и прося денег на восстановление храма «Утоли мои печали».

Олеся разбудил стук. Она протерла глаза. Немного болела голова. В коридоре ходил проводник и стучал в купе, объявляя, что скоро санитарная зона и поезд подъезжает к Москве. В купе никого не было, и Олесе на секунду показалось, что Рита ей приснилась, и что не было никакой попутчицы. На столе по-прежнему позвякивал стакан, но что-то было не так.

И только когда она стала расплачиваться с таксистом-частником у подъезда своего дома, она обнаружила, что денег в кошельке нет.

– О, черт! – выругалась женщина. – Вы меня подождите, меня обокрали, я сейчас Вам принесу.

Олесе было так неудобно, и таксист, увидев ее растерянность и униженность, выругался тоже, но более грубо и даже нецензурно.

– Ладно, девушка, знаю я такое «кидалово»!

Его рука грубо схватила Олесю за волосы, и ее лицо уткнулось в его колени. В этой тупой тесноте девушка с ужасом услышала, как расстегивается ширинка на его брюках.

– Я так не могу! – успела выкрикнуть она.

Машина отъехала, оставляя за собой клуб выхлопных газов. Олесья стояла у родного подъезда в каком-то оцепенении. Кажется, при падении она сильно ушибла колено. Все еще спали, лишь в некоторых окнах зажегся свет, а ведь кому-то сейчас на работу.

Она на цыпочках подошла к детской кровати. В голове по-прежнему эхом стучали колеса, поезд продолжал движение, также мелькали огни безымянных станций, на столе по-прежнему позвякивал стакан. Олесья положила рядом куклу и тихо заплакала. И словно ей в такт за окном заморосил дождик.

Сказочник и мальчик

– Мама, проснись...

Лаура очнулась оттого, что кто-то тихонько тронул ее за руку. Она не могла говорить и лишь с трудом попыталась сжать пальцы. Сознание пробуждалось с усилиями, словно сквозь густой тягучий туман.

– Мама..., пожалуйста, проснись. Мне так плохо...

Детский голос доносился каким-то эхом, через пелену бинтов и ноющей боли.

«Что это за мальчик? Почему он назвал меня мамой?»

Потом наступила тишина. Лаура внимательно вслушивалась еще долгое время, но кроме скрипа работающего кондиционера так и ничего не услышала.

«Наверно, показалось, – подумала она и снова провалилась в сон.

После ужасной аварии, конечно, у Лауры могли возникнуть галлюцинации и частичные провалы в памяти. Она находилась в отделении реанимации уже больше недели и почти все время без движения, общаясь с медицинским персоналом только с помощью условных знаков.

Спустя несколько дней, когда женщине стало лучше, она решила спросить у старшей медсестры:

– Ну, мальчик! совсем маленький, кажется не больше пяти лет. Может, все-таки из соседней палаты пришел?

Медсестра сконфузилась, залила физраствор в капельницу и попыталась успокоить больную.

– Да, это наверно, Ванечка! Ох уж этот сорванец, не сидит на месте! Вы уж его простите, он у нас тут без присмотра должного, скоро его отправят уже.

– А что с ним случилось? У него такой жалобный голос...

– Я не должна Вас напрасно волновать. Тем более, это врачебная тайна. Меня могут наказать.

– Расскажите, умоляю. Я никому не скажу, обещаю.

– Хорошо, деточка, – вздохнула тяжело медсестра. – Этого мальчика привезли к нам в очень тяжелом состоянии, кажется, из Южной Осетии, направили к нам, пока не определятся, что с ним делать. Он сильно пострадал. В трансформаторную будку залез, и там его, бедолагу, током и шарахнуло!

– О, Боже! Зачем же так?

– Говорят, за котенком полез... Тот в проводах запутался и жалобно мяукал. Ну Вы же знаете этих мальчишек, возомнят себя героями... Вот и результат... Семьдесят процентов ожогов! Еле спасли, а лучше бы, прости меня Господи, – и набожная женщина перекрестилась, – и не спасали... Каково ему таким уродцем дальше жить! Сейчас он маленький ничего не понимает, а как взрослеть начнет, вот тогда намучается... – Медсестра перевела дух и надрывным голосом продолжила. Видно было, что она воспринимает все близко к сердцу. – Представляете, полностью выгоревшее лицо, ни носика, ни ротика, ни ушей, ни волос. Боже, да за что его так! Один единственный пальчик на руке, да и тот наполовину. Я даже рада прости Господи, что ты его, деточка, не видела, а только слышала. Я обязательно прослежу, чтобы он больше не тревожил тебя понапрасну.

– Нет, что Вы! Пусть заходит, мне и так скучно.

– Только доктору не говори, а то и мне попадет.

– Хорошо. Молчок! А как же его родители?

– Никто его не навещает, говорят, по выздоровлению в детский дом определять будут.

– Отказались что ли?

– Я этого Вам не говорила, но, может, и правильно сделали. А с другой стороны мне трудно понять, они же его любили, это даже не новорожденный. Вот если, дорогуша, будешь рожать детишек, желаю тебе, чтобы у тебя девочка была. Эти мальчишки такая шантрапа.

Лаура хотела что-то возразить, но медсестра сделала успокаивающий укол и ушла.

– Деточка, засыпай... Мне еще обход делать. И мой тебе совет, не говори доктору, что тебе лучше становится, тут все-таки реанимация, спокойно и тихо, как в раю.

«Боже, когда приедет муж? Медсестра сказала, что он приходил пару раз, когда я спала, молча садился на кровать и плакал. Наверно, врет медсестра, им так в инструкции написано: не говорить правду. Ведь у меня такой замечательный муж! Может, он погиб в аварии? Да, что я такое говорю! Нет, в тот день я ехала не с ним».

На следующее утро Лаура опять почувствовала, как кто-то тронул ее нежно за ладонь.

– Мама...

Она попыталась улыбнуться, но дверь в коридор вдруг приоткрылась и раздались недовольные крики медсестры.

– А, ну брысь отсюда, малявка! Я же тебе вчера запретила шататься тут. Иди к себе. Скоро мультфильмы будут показывать по первой программе. Иди, иди...

Лаура не могла видеть, ее лицо было перевязано бинтами. Она только слышала, как захныкал ребенок, и сердце ее жалобно защемило, особенно когда хлопнула дверь.

– Ну как поживает, наша красавица? – подошла медсестра.

Лаура сжала кулак.

– Вот и славненько. Доктор сказал, что на последнем рентгене видно, что кости срастаются правильно.

Дни тянулись медленно. Лауре хотелось, чтобы пришел муж, может мама, но в реанимацию никого не пускали.

«Боже, когда закончатся эти уколы, капельницы, все эти унижительные процедуры? Как неудобно, когда кто-то чужой, посторонний заботится о тебе...».

Через несколько дней она увидела солнце, которое пробилось сквозь давно немытые стекла больницы. Наконец, ей сняли с глаз повязки, и больная с удивлением для себя разглядывала палату, в которой она находилась все эти бесконечные недели. Смотреть было тяжело и даже болезненно, и она быстро устала, предпочитая легкую дремоту, в которой она могла немного помечтать. Мечтала она почему-то об Адаме, бывшем муже. Слово «бывший» еще не приелось ей, и чувства к нему совсем не остыли. Напротив, она думала поговорить с ним, встретиться где-нибудь в Москве, в центре, пройтись за руку, как в старые долгие времена и поцеловаться.

«Боже, как я соскучилась по его поцелуям, – думала с тоской в сердце она. – Да, я непременно скажу ему, что после всего этого хочу от него ребенка, пусть родится мальчик, он всегда мечтал о сыне... Все обиды пройдут. Мы простим друг друга... Ну а он, как же он...?» – она вдруг закусила губу, вспомнив, что у нее есть любовник, которому она обещала тоже самое...

– Мама, не прогоняй меня. – Детский голос раздался над самым ухом. Женщина открыла глаза и увидела смутные очертания ребенка.

– Мама, как ты? – шмыгнул ребенок носом и осторожно сел на кровать.

– Спасибо, – улыбнулась она, немного удивившись. – Как тебя зовут, малыш?

– Я так и знал, что ты меня не узнаешь, мама. Это же я, Ваня! Мама, я так скучал... – мальчик склонил голову ей на живот.

Лаура, преодолевая боль, попыталась погладить его по голове, но руки ее еще не слушались.

– Мама, как хорошо, когда ты рядом. Дяденька доктор говорит, что ты уехала на Северный полюс.

– Зачем?

– На пингвинов смотреть...

– На пингвинов? – удивилась она опять. – Зачем на них смотреть? Меня они никогда не интересовали.

– Не знаю. Меня все обманывают. Не оставляй меня больше никогда! Тем более, я сейчас сам похож на пингвина.

– Ну что ты такое говоришь!

– Нет, нет, это нестрашно, мама! Ведь у маленьких детей все быстро заживает, и у меня вырастут новые пальчики...

Лаура сглотнула слюну, на душе было ужасно тяжело. «Боже, он верит, что у него вырастут новые пальчики!». Ребенок почувствовал это.

– Мама, ты не переживай! – и малыш перевел дыхание и приблизившись к самому уху женщины, прошептал:

– Я везучий, потому что у меня с рождения были густые волосы. У кого густые волосы, тот будет счастливым... Помнишь, мама, ты сама так говорила? А сейчас их нет! Потрогай, – и он взял ее невесомую руку и приложил к своей голове.

Лаура вдруг почувствовала его горячую кожу с углублениями от ожогов, и ей стало дурно.

– Ваня, я не твоя мама, – вдруг решила она. – У меня есть дочь, муж, но сына не было никогда...

Лауре было не по себе. Она не хотела это говорить, но все это вырвалось, и так в ее жизни было много лжи. «А может, и правда у меня был сын. Может, и правда он мой сын», – промелькнули сомнения.

– Он сказал, что ты моя мама, и тебе сейчас плохо. И я пришел к тебе.

«Что за дурацкая шутка! Какая ужасная шутка!» – возмутилась в душе Лаура.

– А еще он сказал, что мама меня очень любит. Ведь это так, мама? Что с тобой, мама? Прости, что расстроил тебя...

Он вдруг отпрянул от нее и побежал в сторону коридора. У Лауры по щекам потекли слезы.

Глубокая ночь. Ветки деревьев отбрасывают подвижные тени. За окном идет дождь, как бывает поздней осенью. Воды на улице так много, что кажется, она течет по подоконнику, скатывается вниз и затопливает пол в палате. Но Ваня не может дотронуться до нее, зачерпнуть своей обожженной ладошкой хотя бы немножко живительных капель. Он лежит неподвижно в специальной кровати, поддерживающей невесомость, и словно парит над водой. Хочется пить и то, что осталось от губ, молит: «пи-и-и-ть». Пот выступает на его лбу. В больничных коридорах кто-то шуршит тапочками, видимо в туалет. Пахнет микстурами и лекарствами, а еще иногда сквозь стены палаты стонет какой-то больной. Ему, наверно, еще тяжелее, чем Ване. Ваня не стонет. Он вообще никому не показывает, как ему тяжело. Чтобы не думать о боли, он смотрит на свой единственный пальчик и водит им по воздуху, как будто пишет письмо. «Мама, я тебя люблю, мама...», – выводит он вот уже несколько раз. В этот момент раздается шепот. Прямо над головой. И этот шепот пугает его, ибо никого в палате нет, никого... этой одинокой жестокой ночью.

– Привет, мальши... какая холодная ночь, не правда ли? – прошептал кто-то.

Мальчик накрылся одеялом, ему стало страшно. Но голос, прозвучавший в темноте, был искренне добр и мягок. Чьи-то длинные руки осторожно коснулись одеяла и потянули на себя.

– Не бойся, дай посмотреть на тебя, мальши.

Последнее «и-и-и» эхом растянулась по больничной палате, точно ветер в лесу зашуршал опавшими листьями. В последнее время к Ване никто не заходил... никто, кроме пожилой медсестры, которая то и дело причитала и плакала, когда делала перевязки, и он, Ваня,

боялся спросить причину ее слез, боялся, пожалуй, сильнее, чем узнать ответ на вопрос, почему в его палате нет зеркала или где его мама.

– Не надо... – испугался мальчик, – ты пугаешь меня, лучше уйди туда, откуда пришел. Я весь горю, горю...

Ваня почувствовал, как острая дрожь мелкой дробью бежит по его изуродованной коже, огибая участки, где этой кожи вовсе нет. Он прижал к себе тряпичную куклу, оставленную кем-то из предыдущих пациентов. «Ведь нельзя же ничего забывать в таких местах. Ведь плохая примета, плохая...». Мальчик часто прижимал близко к сердцу это создание, и одиночество капельку отступало. Но ночной призрак не отступал.

– Ну, вот ты боишься, малыш, – печально вздохнул призрак. – Ай-ай-ай. Мальчики должны быть смелыми. И слышишь, никогда ничего и никого не бойся, кроме того, чьи грустные сказки сбываются...

Этот загадочный шепот начинал успокаивать ребенка, и невольно культияпки разжались, и простыня сама сползла вниз. От неожиданности мальчик закрыл глаза, боясь увидеть что-то ужасное, но перед тем как зажмуриться, он все же уловил светлый образ призрака, и не было в этом образе чего-то пугающего, а, наоборот, над Ваней склонилось доброе лицо, вытянутое как у лошади. Это был бородатый мужчина средних лет, с длинными волосами, в сияющих тусклым серебром просторных одеждах. Мальчик прищурился, словно привыкая к сиянию, но потом осмелел и полностью открыл глаза. Загадочный свет исходил от лица призрака, словно это существо откололось от луны и спустилось к нему в палату. Призрак улыбался своей бесконечно доброй улыбкой, и мальчик отметил, что он совсем не боится.

– Мне совсем не больно, когда я смотрю на твою улыбку, – признался Ваня. – Ты улыбаешься, как ангел!

– Т-ш-ш, – приложил длинный палец к своим губам незнакомец. – Я открою тебе маленькую тайну, малыш: сейчас все ангелы спят, – и он опять улыбнулся все той же чистой улыбкой.

Ваня понимающе кивнул и поджал под себя ноги. Светящийся призрак приблизился и осторожно дотронулся влажными пальцами до лица ребенка. Это были очень длинные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями, и эти пальцы прохладные и пахнущие осенними листьями напомнили мальчику о приближающейся зиме.

«И все-таки он пришел с улицы», – подумал Ваня, на секунды закрыв глаза.

Жажда удивительным образом оставила его. Подушечки пальцев касались ласково его чувствительной, болезненной кожи, останавливаясь на подолгу не заживающих ранах и рубцах, и в этот миг Ваня слышал, как тяжело вздыхает ночной посетитель.

– У-у-у-ух... – словно весь воздух в палате прошел через эти легкие... – Я проходил мимо, я всегда прохожу мимо, потому что меня никто не ждет. Я услышал, как ты тихо плачешь, а мне не безразличны слезы, тем более слезы ребенка.

– Я не ребенок, я уже взрослый! – возразил Ваня, скорчив обиженный вид, и загадочный посетитель наклонился ближе, словно был близоруким и пытался действительно рассмотреть, кто перед ним мальчик или взрослый. От его бороды пахло такой же осенью и мокрыми листьями.

– Да, может быть, ты уже и взрослый, – прошептал он, словно еще сомневаясь в этом, – но только для меня все люди – это маленькие дети, верящие в мои сказки.

– В сказки? Ты рассказываешь сказки? – удивился малыш.

– У-у-у-ух – почему-то с грустью ответили ему. – Только люди не хотят слушать их. Стоит мне начать рассказывать, как они зевают, кладут ладошку под голову. Они слушают и почти всегда не до конца, обычно где-то на середине они засыпают сладким, сладким сном.

На тумбе в палате Сказочник увидел кусочек пластилина. Он взял его в руки и печально спросил мальчика:

– Что это?

– Это бродячая Элли.

– Элли? – переспросил Сказочник, сдвинув брови.

– Элли... – подтвердил мальчик и немного смутился. – Правда, она не совсем похожа на Элли. Элли коричневая, а пластилин зеленый. Мне надобно было слепить лягушку... Но лягушку сложнее... – И он показал Сказочнику свой единственно уцелевший пальчик.

– Ты классно лепишь, мальши! – похвалили его.

– На самом деле Элли была с белой грудкой и белыми лапками. Раньше перед сном мы с мамой прогуливались, присаживались на холме и любовались закатом, а бродячая Элли была рядом, тоже садилась с нами и долго смотрела вдаль, словно ждала кого-то.

– Очень похоже, очень похоже, – вертел близко перед глазами пластилиновый зеленый комочек Сказочник.

Ваня захлюпал носом и с грустью добавил:

– Прошлым летом из нее сделали шапку....

– У-у-у-ух... – выдохнул призрак, и в палате еще больше запахло осенней сыростью.

Мальчик перевернулся набок и положил ладошку под щеку. Сказочник накрыл его заботливо одеялом.

– У-у-у-ух... – пронеслось по палате.

И хотя Ване очень хотелось спать, он твердо сказал:

– Я обязательно дослушаю твою сказку до конца...

Глаза мальчика слипались. Он закрыл их на миг, надеясь не заснуть.

– А как тебя зовут, Лунная Борода? – спросил он, приятно позевывая в полудреме.

– Увы, не знаю... Ты можешь называть меня, как хочешь...

– Я буду звать тебя Сказочником. Ты теперь мой лучший друг, лучший.

– У-у-у-ух... – словно весь воздух в палате прошел через эти легкие.

– Эту сказку я еще никому не рассказывал... У-у-у-ух...

Любовница своего мужа

– Идиотка! Боже! Какая я идиотка! – сказала она вслух, снимая с ушей серьги.

Затем она смыла макияж. Ей хотелось зарыться с головой в одеяло и никого не видеть. Хорошо, что бабушка и бабушка уехали на дачу. А еще Рите было стыдно, стыдно за то, что она в поезде напоила и обворовала свою попутчицу. В голове настойчиво стучалась мысль, что такие, как она, никчемные люди не должны жить...

На следующее утро в субботу она поехала на дачу и пошла в лес за опятами. Женщина долго бродила по лесу и даже заблудилась.

«Странно, тут кругом дачные поселки! Сколько раз я тут собирала грибы, когда была маленькой, и всегда знала дорогу домой...» – подумала Рита.

Она прислушалась, и было непонятно, где именно находится дорога. Вскоре женщина вышла на небольшую тропинку и остановилась, раздумывая в какую сторону идти.

«И спросить не у кого, кроме белок».

Вдруг она увидела здорового мужчину с топором в руке, выходящего из зарослей ельника. У незнакомца, как ей показалось в начале, лицо было просто зверское, и она сильно испугалась, но потом решила, что будет к лучшему, если он ее этим топором же и шарахнет...

– Вот иду за сосной, – словно оправдывался он, добродушно улыбаясь. – Выстругаю для дочки попугая. Она у меня болеет, врачи говорят... – она не расслышала болезнь. – Жена сникла... А дочка просит большого деревянного попугая. И я иду и верю, что не все еще потеряно.

Рита как стояла, так и осталась стоять на месте. Она даже дорогу спросить не успела, а он исчез в зарослях, словно растворился в них. Вот это несчастье, а я дура раскисла из-за ерунды. Всю дорогу она молилась Богу, выпрашивая сил и здоровья для этой бедной девочки, пока не вышла в поле и вскоре не увидела знакомые очертания дачного поселка.

За вечер она с бабушкой намариновала аж шесть литровых банок опят, а когда вернулась домой в город, то посмотрела, что на ее мобильном шесть не отвеченных вызовов от Наймонда.

«Вот дура, мобильник дома оставила!»

Сердце снова заколотилось. Она набрала ему, но никто не ответил. Потом Рита включила телевизор, а там какая-то женщина с заплаканными глазами воскликнула:

– И это все, что ты можешь сделать?!

Рита вздрогнула, словно эти слова была адресованы ей. Фраза проняла ее насквозь. И в этот момент затрещал мобильный. Рита выключила телевизор и подбежала к трубке.

– Рита, когда ты садилась в такси, из твоего кармана выпал пропуск. Думаю, он тебе нужен...

Рита услышала родной и близкий голос и вновь заплакала.

– Это все? – еле слышно спросила она.

– Да, – сухо ответил Наймонд, а через час он подъехал к ее подъезду.

Рита спустилась, молча взяла пропуск, зашла в подъезд и поднялась на шестой этаж. На душе было пусто. Потом она почему-то бросила взгляд в подъездное окно. Его машина еще стояла.

– Господи! Дай мне силы, – взмолилась Рита и вдруг бросилась вниз по лестнице.

Она выбежала из подъезда, сломала каблук, и с ужасом наблюдала как его машина начинает трогаться.

– Наймонд! Наймонд! – попыталась закричать женщина, но голос ее дрожал, и ничего не получилось.

Но мужчина заметил ее в последнюю минуту и остановился. Рита села к нему в машину и на одном дыхании выпалила:

– Я тебя люблю, давай жить вместе, а все остальное меня не волнует!

Ей вдруг стало удивительно легко, было уже даже неважно, что он ответит. Я смогла сказать это, – мелькнула мысль, – я смогла убить в себе гордость. Наймонд словно был готов к этому. Он притянул Риту к себе и со словами «милая моя» поцеловал. Мужчина хотел ее прямо там, в машине, при свете фонаря, но в самый последний момент Рита вспомнила его новую жену, сына и ей стало противно. Она почувствовала такую ненависть к ним и к нему, что оттолкнула Наймонда.

– Скотина! Какая же ты скотина! – выругалась она.

Наймонд застегнул ширинку.

– Ну и ладно! – спокойно сказал он и печально посмотрел на женщину.

Рита снова почувствовала себя идиоткой, заплакала, а он обнял ее нежно и сказал, что понимает. А потом они долго говорили о том, как живут и что им делать дальше. Он сказал, что ее по-прежнему любит, но ради сына готов терпеть Анну. Она пыталась доказать ему, что Ване нужен счастливый отец. Он кивал головой, а потом вдруг заплакал – первый раз в жизни она увидела его слезы.

– Я хочу просто с тобой встречаться, ты согласна?

И Рита кивнула.

«Быть любовницей собственного мужа! Это аморально, но я его люблю, он мой. И пусть пока он со мной будет лишь иногда, мне больно, но я не променяю даже эти краткие минуты на полное счастье с другим».

«Господи, как же я счастлива, я счастлива... Я хочу петь, летать, это так чудесно, так волшебно! Как прекрасно, Господи, что ты придумал любовь... Врут те, кто говорят, что любви нет! Они просто никогда не встречали ее, они никогда не встречали того единственного, того самого замечательного и неповторимого... Боже! Как же он не похож на всех... Он не такой, как остальные мужчины, которым нужно только одно... Он особенный. Он самый нежный и самый ласковый...»

Сказка про Глиняных Богов

Поведано Сказочником бедному мальчику Ване одной бессонной ночью

Очень давно, когда время не имело значения, а Полярная Звезда только зарождалась в бесконечном океане звезд, на одном из островков Вселенной стоял одинокий домик с соломенной крышей. И когда шел дождь, особенно ночью под вой холодного ветра, крыша давала течь, и старый моряк, сетуя постоянно на боли в спине, кряхтя и покашливая, подставлял под струйку воды собачью миску с отбитыми эмалированными краями. И хотя собака давно умерла, на стене по-прежнему висел ее потертый ошейник с маленькими хрустальными колокольчиками, которые мелодично позвякивали, наполняя пространство приятной музыкой Прошлого.

Обычно старый моряк в такие часы усаживался поудобней в кресло-качалку и что-то подпевал себе под нос, попыхивая своей любимой трубкой. Он пел о том, как быстро пронеслась его молодость и восхвалял море, в котором провел большую часть своей жизни. По комнате плыли седые кольца дыма и медленно растворялись в тусклом свете мерцающей лампы.

Этот старик жил не один. При нем был маленький внук, который целыми днями проводил на пляже, вылепливая забавные фигурки из мокрого песка и глины. В основном это были разнообразные ящеры-драконы, которые трескались под лучами солнца и со временем рассыпались. В хорошую погоду кресло-качалку удавалось вынести на порог домика, и там, в тени дырявых рыбацких сетей, старый моряк нежился на солнце, тихонько покачиваясь.

– Смотри, дедушка, что я слепил! – хвастался радостно мальчик, показывая глиняную фигурку.

– Какая прелестная безделушка! – говорил бывалый моряк, одобрительно глядя внука по голове. – Когда-то давно я тоже лепил нечто подобное...

И тогда малыш нежно ласкался к пледу, покрывавшему озябшие колени старика, и слушал удивительные истории из жизни своего дедушки.

– Мой юнга, когда-нибудь ты откроешь секрет живой глины, и все твои фигурки чудесным образом оживут и наполнятся разумом, – приговаривал старик и с какой-то тоской прислушивался к звону колокольчиков, словно ожидая, что его любимая собака вот-вот появится на пороге дома с радостным лаем.

Однажды, когда малыш играл на пляже, а дедушка по привычке пыхтел трубкой в доме и пел старые рыбацкие песенки, над островом нависла тень. Эта тень была такой большой, что даже закрыла солнце, и мальчику показалось, что наступила ночь. Он уже хотел идти домой и сварить дедушке на ужин манную кашу, как заметил корабль с черными парусами. Чайки садились на высокую мачту, кружили над ней и беспокойно кричали. Малыш вспомнил, как когда-то давно их любимая собака Элли забежала на палубу похожего корабля и долго выла, пока судно не скрылось за горизонтом.

На мостике за штурвалом стоял капитан в черном плаще с капюшоном, закрывающем ему лицо. Он поднял свою руку с неестественно длинными пальцами и приветливо помахал малышу.

– Приветствую тебя, Глиняный Мастер! – лестным эхом пронеслось из уст капитана, и мальчик вздрогнул.

Конечно, ему было приятно, что его называли Мастером, тем более, Глиняным, но раньше малыш никогда не разговаривал с посторонними.

– Я просто мальчик, ты, должно быть, путаешь меня, чужестранец, – ответил он капитану.

– Нет, я не ошибся, Глиняный Мастер. Меня зовут Темный Капитан, а Темные Капитаны никогда не ошибаются.

Мальчик смутился, но решил не спорить с чужестранцем, а расспросить его, кто он и откуда, а главное, где его команда матросов. Ведь таким большим кораблем должна была управлять не одна дюжина человек.

– Темный Капитан, а где твои люди?

Стоит отметить, что мальчик был любознательным и никогда не боялся спрашивать о том, чего не знал. Чужестранец в ответ засмеялся, и когда он смеялся, из темноты капюшона, прикрывавшего его лицо, засверкали два огонька.

– О, Глиняный Мастер! Моя команда уснула в мрачных трюмах после бурной попойки. Ни гром этих пушек, ни даже звон золотых монет не сможет их пробудить. Безумцы! Они хотели поднять бунт против своего капитана, а самый отважный из них даже успел произнести тост за любовь. Теперь я набираю новых матросов. Я слышал от чаек, на этом острове есть те, кто знают толк не только в старых рыбацких сетях.

– Темный Капитан, напрасно ты прибыл сюда! Не стоит доверять болтовне чаек, – и голос мальчика задрожал. – На этом острове живут только двое – я и мой дедушка. И если я совсем юн, то дедушка совсем стар, и ты никак не можешь найти здесь себе подходящую команду матросов.

– Что ж... На этот раз прав и ты. Чайкам и, правда, не стоит доверять, а мне придется немного подождать, пока ты не вырастишь и не научишься лепить так, как когда-то лепили Глиняные Боги.

– А разве Глиняные Боги существуют?

Мальчик, конечно же, что-то слышал от своего дедушки и считал, что это все сказки.

– Конечно, – уверили его с корабля, и снова под покровом капюшона блеснули два огненных глаза. – Я даже знаю их некоторые секреты...

– О, Темный Капитан, прежде чем ты покинешь наш остров, открой мне хотя бы один их секрет, пожалуйста! – взмолился мальчик.

Ему очень хотелось стать подобно Глиняным Богам и лепить из глины живые фигурки.

– Надеюсь, ты умный мальчик, и понимаешь, что ничего не бывает просто так, – усмехнулся чужестранец и оглянулся вокруг, словно боясь ненужных свидетелей.

– Что же ты хочешь в замен, Черный Капитан? – спросил мальчик и стал рыться в кармане, чтобы достать из него перочинный ножичек, который дедушка подарил ему как-то на день рождения.

– Мне не нужен твой ножичек, – угадал намерение мальчугана Черный Капитан и отмахнулся. – Таких ножичков у меня навалом. Обещай мне лучше, что когда ты станешь Глиняным Богом, то отдашь мне самую любимую фигурку, что будет у тебя на тот момент.

– Я согласен! – кивнул мальчик.

Глаза капитана снова блеснули.

– Что ж! Хорошая сделка! – воскликнули с корабля. – Слушай, Мастер. Главный секрет живой глины в том, что Глиняные Боги добавляли в нее свою кровь, от чего глина становилась более мягкой и податливой, и фигурки на время оживали. Сделай так и ты! И обязательно продержи их пару часов в дедушкином камине, чтобы потом при неосторожном падении они разлетались вдребезги.

Долго еще смотрел будущий Глиняный Бог на эти прибрежные волны, а волны то накатывались, то откатывались. Снова солнце озаряло берег на маленьком острове. А где-то в домике по-прежнему звенели маленькие колокольчики, а старый моряк, покачиваясь в кресле-качалке и пыхтя своей любимой трубкой, напевал себе под нос давно забытую песенку.

Встреча на мосту

«Надо жить, чтобы тебя помнили, мальши».

*Из ночного разговора с неизвестной девушкой в одном из парков
Москвы.*

*«Ну почему это произошло? Ведь этого не должно было
случиться!»*

Мужчина стоял у моста и смотрел вниз. Там медленно текла черная московская вода, унося с собой городские стоки и нечистоты. В ее вялых, ленивых водоворотах меланхолично кружился мусор: какие-то доски, ветки деревьев, пластиковые бутылки, куски разломанного пенопласта, разноцветные разводы от машинного масла и бензина, а у берега в остатках льда дрейфовали утки.

Слева и справа располагались промзоны. Дымили трубы, лениво ворочались башенные краны. Некрасивые бесцветные коробки зданий были расставлены точно чьей-то шальной рукой в пьяном угаре. Они стояли все серые от бетона, давили на сознание, вынуждая случайных свидетелей побыстрее покинуть этот неблагоприятный и, казалось, проклятый район. В воздухе превышала концентрация угарного газа, а машины все летели и летели, и при каждом пролете слышался свист рассекаемого ветра, что заставляло сердце вздрагивать. Мужчина стоял спиной к дороге, и, возможно, кто-то из водителей, заметив наклонившуюся через перила и застывшую в каком-то задумчивом оцепенении фигуру, мог признать в нем самоубийцу, решающего сорваться вниз. Но все это были предположения, которые всегда гонишь прочь, лишь бы не впутаться в нехорошую историю, и если бы кто-то сердобольный и сбавил бы скорость или вовсе решил бы остановиться, чтобы предложить свою помощь, то это было бы настоящим чудом. А тем самым мартовское утро говорило само за себя, потому что солнечный диск, пусть расплывчатый и бледный, но все же начинал проявляться на мертвом полотне туманно – свинцового неба.

«Боже, как грязно и мерзко, – подумал мужчина и поднял воротник, – какой колючий ветер!»

Он облизнул потрескавшиеся губы и снова стал наблюдать за движением реки. Грязная река медленно текла под ногами, словно вся эта грязь истекала из него самого.

«Только уж слишком много грязи, слишком...»

На вид мужчине было не более тридцати пяти, даже чуть меньше. Видно было, что у него плохое самочувствие, особенно поражала бледность лица, но в то же время ясные, четко выразительные глаза давали понять, что этот человек способен еще на некие усилия, даже решительные волевые усилия. Вот почему, наверно, многим и казалось, что вот-вот у него появится второе дыхание, и он улыбнется, оторвет руки от перил и уйдет. Его пальто со стороны дороги было покрыто брызгами грязи, и в то же время удивляли его чистые лакированные ботинки, говорящие о натуре аккуратной и осторожной. Пальто было расстегнуто, и пестрый галстук, вылезавший из-под пиджака, свисал вниз и при сильном порыве ветра иногда закидывался на плечо, а потом снова сползал, когда ветер затихал, и так продолжалось до бесконечности, пока вдруг мужчина не выпрямился и не пошел вдоль дороги. Через несколько метров он остановился, какое-то время смотрел вниз, точно изучая что-то, а потом пнул это ногой. Если бы Вы проследовали за этим человеком, то увидели бы, что привлекло его внимание. Это была обычная тряпичная кукла, лежащая возможно не первый год на этом старом мосту. Кукла была изрядно потрепана и являлась сейчас скорее грязной тряпкой, чем некогда детской игрушкой. Она лежала на спине с неприлично открытым ртом, и, казалось, рот этот она открыла от какого-то внезапного удивления, может быть, из-за того, что на нее наступают, а она все не может

понять, все не может опомниться от такой бесцеремонности и наглости, будто она кому-то мешает, такая мягкая и безобидная... Да и в этот раз ее не обошли безразличием и жестоко пнули ногой, и кукла отлетела в сторону, ударилась о перила и стихла.

– Эй! Кажется, это Вы уронили?

Мужчина услышал голос и обернулся. Его догоняла молодая женщина, прилично одетая: в дорогой норковой дубленке и модных красных сапожках на высоких каблуках, громко стучащих по мокрому асфальту. Она подбежала к мужчине, чуточку отдышалась и протянула что-то вперед на вытянутой руке. Но мужчина прежде посмотрел на эту руку, а не на то, что она держала.

– Эй, это Ваше? – спросили его опять.

Он отметил красоту этой изящной руки с дорогим маникюром, и ему невольно захотелось взглянуть на ее лицо. Эти руки напомнили ему о Лауре, и в то же время перед ним была другая незнакомая женщина. Дорогая прическа, сделанная в стильном салоне, парфюм нежный и ненавязчивый, губная помада с блеском, румяные щеки, длинные черные ресницы. Все говорило о том, что незнакомка, стоящая перед ним довольно обеспеченная особа, и что заставило ее наклониться посреди безлюдной дороги и поднять эту грязную куклу, а затем еще догнать и протянуть эту стекающую ему на ботинки грязь, мужчина не мог даже предположить.

«Что ей нужно?» – подумал он и взял ради приличия в руки эту тряпку.

Незнакомка широко улыбнулась, обнажив белые ровные зубы, и он ответил ей едва заметной ужимкой уголком рта. Это была восточная женщина, скорее всего, грузинка, с гордым носом, совсем не портящим ее красоту, и черными глубокими глазами, очень проникновенными, но в то же время холодными, как этот колючий ветер. Когда их глаза встретились, он отвел свой взгляд в сторону.

– Я видела, как Вы что-то уронили, и решила остановиться. Вот моя машина! – и дамочка в доказательство махнула в сторону дороги.

У обочины стоял на аварийке небрежно брошенный серебристый «Бэнтли» с тонированными стеклами, литыми дисками – та самая машина класса люкс, которая в наше время позволяет ее владельцу автоматически получить статус и признание толпы.

– Вы из-за меня нарушили правила. Здесь нельзя парковаться! – растерялся мужчина, никак не предполагавший таких случайных встреч.

– Неужели? – и женщина прищурила глаз.

– На мосту нельзя парковаться! А впрочем, спасибо. Правда, я ничего не ронял. Это просто... – Он на секунду задумался, как это назвать получше и добавил:

– Это просто тряпка!

– Тряпка? – искренно расстроилась богачка. Когда она волновалась, в ее голосе начинал чувствоваться восточный акцент. – Вы, что хотите сказать, что я остановилась здесь, нарушила правила дорожного движения и все ради тряпки?!

Ее глаза блеснули досадой, от чего мужчине стало совсем неудобно. Он никак не хотел никого расстраивать.

– Вы все сделали правильно, просто это, это тряпичная кукла... тряпка... спасибо... я, правда, не хотел ее оставлять тут. Большое спасибо, что Вы мне помогли! – оправдывался он.

– Помогли? Вы, молодой человек, совсем не представляете, что такое настоящая помощь! «Почему она меня назвала молодым человеком? А может, она старше меня намного?»

– Я Вам искренне благодарен, как я Вас могу отблагодарить?

– Да бросьте кривляться! Уж не думаете ли Вы, что мне не с кем выпить чашечку кофе в уютной кафешке или, может, Вы что-то себе вообразили, молодой человек? – и женщина нервно засмеялась.

Мужчина засмутился. Может, он и правда думал об этом.

– Вы знаете, я не хотел Вас обидеть!

– Да, ладно тебе!

«Она уже перешла на „ты“?»

Это дерзкое, внезапно брошенное в него «ты» не принижало его, наоборот, он собрался и подумал, что, в конце концов, перед ним стоит красивая женщина, да, возможно, чуточку ненормальная. Но кто сейчас в норме?

– Вы знаете... Ты знаешь, я в последнее время... – он хотел сказать: «растерян» или что-то в этом духе, но женщина перебила его.

– Да я знаю, в последнее время у тебя нет денег или жена не дает.

Мужчина не мог понять, почему эти наглые, совсем нетактичные выпады в его адрес, порой откровенные и болезненные со стороны женщин, всегда возбуждали его.

– Я просто уезжаю на три дня в Краснодар, – ушел он от неприятной ему темы разговора.

– Прикольненько, а я-то тут причем.

Он что-то промямлил, но женщина помогла ему выйти из ситуации.

– Командировка? – спросила она, сменив гнев на милость.

– Ага, – кивнул он, с интересом разглядывая ее классные сапоги из какой-то крокодиловой кожи.

– Ну тогда желаю тебе удачи на работе, мальчик, – ухмыльнулась она, считая своим долгом дать ему хороший надменный совет. – И не грусти так. Лучше совмести приятное с полезным, сними там шлюху, сходи с ней в краеведческий музей, посмотри город, – незнакомка подошла вплотную настолько, что мужчина уловил запах ее мятной жвачки.

– Я его видел уже четыре раза, так, город-деревня, по крайней мере, сейчас, и в музее твоим был, ну а шлюхи... Они меня не интересуют. – И он вдруг посмотрел в сторону ее дорогой машины.

– Ты водишь машину? – заметила его взгляд незнакомка.

– Да, а что?

– Просто спросила. Никогда не занималась сексом в машине. Все не решаюсь только.

Он недоверчиво посмотрел на нее, пытаясь понять, шутит она сейчас с ним или нет, а у самого замерло сердце.

– Очень удобно. От погоды не зависит, – выговорил наконец он.

Женщина улыбнулась и выплюнула жвачку за перилы моста.

– Считаешь, что в двадцати градусный мороз все будет окей?

– Печку если что включить можешь, да и необязательно раздеваться.

– Печку? – она вдруг рассмеялась заразительным смехом. – Печку?

Он, как будто поняв свою оплошность в своих неточных суждениях, тоже улыбнулся.

«Да что я в самом деле туплю... Какая печка, какой уют... Ты не английская королева... Если это страсть... рвется одежда... трещит юбка... ноги закидываются на руль... кружится голова... во рту вкус собственной крови от страстных поцелуев... и все происходит мгновенно... резко... ты не успеваешь понять, цивилизация отходит на второй план».

Он вдруг представил нежный мартины, в котором плавится лед. Зеленый шар свечи поскрипывает воском, и вот-вот затухнет, утонет фитиль, и она, эта незнакомка, вальяжно лежит обнаженная в лепестках роз, а ее красивые глаза сверкают нестерпимой страстью и манят в свои коварные сети, в свой черный омут блаженства.

«Там нет дна, вечное падение. С такими женщинами всегда надо держать дистанцию и лучше не заходить сзади. Они любят глаза в глаза, выпивая всю душу!»

Он берет свечу и вырезает ножиком надпись «Я простил смерть», а потом загадывает желание и плещет расплавленным воском на скатерть.

– Эй, ты чего, язык проглотил? Я ухожу!

И женщина с недовольным видом поспешила к машине, играя своими бедрами, как на подиуме.

– Подожди! Я даже не знаю, как тебя зовут? – очнулся он вдруг и побежал следом.

Но дерзкая богачка уже запрыгнула за руль. Ее колени провокационно обнажились. Она совсем игнорировала присутствие мужчины, который стал барабанить по стеклу и умолять, чтобы она вот так просто не уезжала от него. Наконец, она как будто сжалась над ним и подняла тонированное стекло, но вместо ожидаемой милости, вдруг закричала в гнев, сверкая глазами:

– Убери руки! Всю машину мне заляпаешь!

– Как я тебя найду? – умолял мужчина, а про себя подумал: «Вот, сука!»

Женщина издала недовольный звук, похожий на рычание, нахмурила бровки и стала нервно рыться в бардачке машины. Мужчина, все еще державший в руке грязную куклу, даже ненароком подумал, что его случайная знакомая сейчас достанет пистолет и прихлопнет его. Он не боялся умереть от рук красавиц и терпеливо ждал.

– Звони в любое время и представься обязательно Адамом. Ударение на первый слог, чтобы я тебя вспомнила!

Стекло поднялось, и машина с пробуксовкой тронулась. Новоиспеченный Адам стоял какое-то время у обочины, растерянно зажав во рту визитку незнакомки.

«У нее что, все библейские персонажи в дамских угодниках, а Адама нет? Хотя может, и есть, но с ударением на второй слог».

Пробуждение

Адам проснулся в жарком поту. Его ломило, голова раскалывалась, как пустой орех. Очевидно, была высокая температура. За окном светило яркое солнце. Он зажмурился, ощущая, как виски точно тисками сдавливаются до невозможности, а когда открыл глаза, увидел, как один кронштейн, державший карниз над окном, вот-вот отвалится.

В комнате царил бардак, словно тут пробежало стадо слонов: разбросанные детские игрушки, перевернутые стулья, на подоконнике завядшие растения, с разорванным боком мужской туфель, занимающий почетное место в центре комнаты и разбитая люстра на потолке. Странно, но Адам ничего не помнил, что было этой ночью. Как будто кто-то специально стер его память и сейчас наблюдал за ним с некой издевкой.

«Где я?» – появилась первая мысль.

Подойдя к зеркалу, Адам посмотрел на свою фигуру. Кажется, он сильно похудел за эту ночь.

«Почему я в последнее время так критичен к своей внешности, может, в моей жизни появилась женщина?» – пронеслась вторая мысль.

Затем мужчина осмотрел локтевые сгибы, пытаясь отыскать следы от укусов.

«Слава Богу, я не наркоман», – третья мысль немного успокоила его.

«Я был в каком-то полуподвале, в полумраке свечи сидел на мягких подушках, и пахло благовониями. Какая-то неуклюжая девушка с грязными ногтями колдовала надо мной, расставляя глиняные чашки, и я наслаждался спокойными ароматами зеленого чая с жасмином! Кажется, чай назывался «Поцелуй влюбленной женщины». Нет! Я пил другой чай, с каким-то необычным тоскливым названием. Пела канарейка, живая птица с совершенно волшебным голосом, кто-то играл на флейте и... – вдруг прокрался маленький эпизод из тумана воспоминаний, – и была женщина, была, точно... я помню ее глаза... грустные, родные, длинные реснички с блестящей... тонкие губы... она сидела рядом, и ее рука была на моих коленях. Это она заказала «Флирт с одиночеством!»

– А черт! Черт! – схватился он за виски, пытаясь вспомнить подробности чайной дегустации.

Он долго не мог найти свою одежду, бродя по незнакомой ему квартире абсолютно голым. Наконец, на кухонной плите он отыскал свои скомканные брюки и там же рубашку. Было досадно, что она лежала краем на сковородке с остатками жирной пищи. Но мужчина не медлил и начал одеваться. Ему поскорее хотелось выйти из этой душной квартиры.

«Пусть про испорченную рубашку думают, что это новая мода, ведь есть же мода на рваные джинсы».

В коридоре, у двери, среди кучи обуви, Адам обул на босу ногу один из своих ботинок и спешно стал искать второй. При наклоне его сильно качнуло, так как закружилась голова.

«Значит, что-то пил потом или курил...» – предположил он, уже хватаясь за ручку входной двери, но передумал, еще раз посмотрел в зеркало на свой удручающий вид.

«Да, женщина была. Кажется, ее звали Маша. Нет! Маша была девственница и была в совершенно другой встрече, в другой игре... Ничего не помню, ничего, кроме этих глаз с блестящими ресничками. Глаза цвета морских камней во время прилива, – мужчина опять схватился за виски. – Я тогда подумал, что глаза этой женщины будут еще прекраснее, когда на них появятся слезы. Еще у нее губы не пахли дешевой губной помадой, как у Маши. Их поцелуй был одиноким и грустным с привкусом зеленого чая с еле уловимым ароматом жасмина. Так обычно прощаются навсегда, понимая полную невозвратность...»

Адам зашел в туалет, но там даже не было унитаза, рядом лежали стопки керамической плитки. Пахло свежим цементом.

«Странные люди... ремонт начинают с сортира... А может это и правильно».

На кухне, на столике, находилась пепельница с множеством окурков. Под ней лежал листок бумаги. Мужчина узнал свой размашистый почерк и взял его в руки, чтобы прочитать. Написано было канцелярским карандашом, и сначала видно было, что человек писал в какой-то спешке, потом скорость снижалась, и степень нажима на карандаш увеличивалась до прорыва бумаги, в самом конце графитовый стержень не выдержал и отломился, так и не дописав слово.

«Было неприятно, потом стала рождаться боль, но не сразу, постепенно. По мере осмысления, что произошло со мною, я представляю, как он ласкает ее, как она извивается в его объятиях, и у меня появляются неконтролируемые слезы, и это не слезы радости, это горькие соленые слезы разочарования. Мне больно, все остальное уходит на второй план, мне хочется изменить что-то, но вокруг сплошная тьма. Я держусь и, мне кажется, это внешнее спокойствие безумным. Может я ошибка природы? Я себя ненави..»

Адам вздрогнул и память внезапно вернулась к нему. Он признал свою квартиру и в подтверждение отыскал в ящике стола свою любимую кулинарную книгу «Рецепты правильного приготовления норвежской семги». Неожиданное открытие привело мужчину в неистовое состояние. Ему захотелось пробежать стометровку или отжаться сотню раз от пола, но это состояние внезапно исчезло и сменилось на угрюмо подавленное. Впервые за все это время Адаму захотелось заплакать. Там, в темном полуподвале, под вкрадчивым взором чайного мастера он прощался со своей любимой женой навсегда.

«Мой хороший, мой любимый, – плакала Лаура, целуя все еще своего мужа, – я люблю тебя, но разумом понимаю, что нам надо расстаться, потому что мы разные, разные, тебе нужна другая женщина, а я тебя угнетаю, и каждый раз ты страдаешь. Лучше расстаться сейчас, чем потом. Видишь, я плачу, ты плачешь. Это лучше, чем мы будем плакать потом...».

Первая измена

– Почему ты пришла на эту встречу? – спросил он, медленно посасывая ледяное пиво и наблюдая за воробьями, которые беззаботно купались в луже.

Алкоголь уже начал действовать на голодный желудок. Они сидели в тихом уютном скверике. Девушка ответила не сразу.

– Я пришла на встречу, потому что, во-первых, чувствую одиночество, а во-вторых, ты мне нравишься, и с тобой приятно общаться.

– Тебя мучает бессонница? – предположил Адам и пригубил пиво.

– Даже часто, так и лежу с открытыми глазами и смотрю в потолок.

Создавалось впечатление, что девушка чего-то ожидает, но целовать ее мужчина не решался. Рядом в сквере были посторонние люди, которые отвлекали его глупым смехом и криками.

– От бессонницы помогает глоток хорошего вина или рюмочка дорогого коньяка, – сказал он с видом знатока.

– Мне нравится виски, – отвлеченно ответила девушка и опять замолчала.

– У меня глаза цвета виски...

Адаму не нравилось, что он говорит намного больше, чем она. На все его вопросы она отвечала как-то недосказанно и спокойно.

– Ты одинока? – спросил он и впервые взял ее за руку.

– Да! – призналась она, посмотрев ему прямо в глаза, и он понимающе улыбнулся.

– Подарки твоих предыдущих мужчин? – заметил он золотые украшения на пальцах.

– Почти, – и девушка затихла.

«Интересно, заметила она мое обручальное кольцо? Конечно, заметила, просто не спросила или знала заранее и не удивилась».

– И с тобой наверно часто происходит, ты знакомишься с молодым человеком, а потом знакомишь его со своими друзьями, и так повторяется снова и снова...

– Обычно так и происходит.

– А где ты работаешь сейчас? – поинтересовался он и отпустил ее теплую ладонь.

– В страховой компании.

– Можешь, застрахуешь меня от несчастного случая? – грустно улыбнулся он опять.

Алюминиевая банка случайно выпала из его рук, и Адам с каким-то обреченным видом наблюдал, как пиво впитывается в ткань ее одежды.

– Ты знаешь, шампанским меня обливали, но чтобы пивом, – и девушка улыбнулась.

– Когда ты мокрая, ты еще более сексуальная. Хочешь, я оболью себя тоже?

– Думаю, не стоит! – засмеялась она, – Ведь ты пока не застрахован!

– И тебе нравится там работать?

– Нравится. Это лучше, чем было до.

– А что было до?

– Раньше я работала в морге.

– И что, видела изуродованные трупы после автокатастроф?

– Чего я только не видела, – и девушка зевнула, прикрыв ладошкой рот.

– Как ты думаешь, в смерти есть красота? – спросил он тогда.

– Красота есть, но она своеобразная.

– А как ты относишься к самоубийцам?

– Мне жаль этих людей, потому что они слабые и безвольные. Мне нравятся сильные люди, умеющие в любой ситуации, какой бы сложной она не была, найти выход и силы, чтобы не опуститься.

– А ты хотела покончить с собой когда-нибудь?

Девушка ответила не сразу. Они присели на свободную лавочку в тени высокого дерева. Она отдала ему свою немного смятую банку пива, и он пригубил ее.

– Знаешь, Адам, – здесь она впервые назвала его по имени, с ударением на первый слог, как он настаивал в переписке в чате, – меня всегда спасает то, что я очень сильно люблю себя, я окончательная эгоистка и делаю то, что мне нравится.

– Но ты не похожа на девушек, которых я вижу в дорогих торговых центрах, занятых шоппингом!

– Значит, я хорошо скрываю свой эгоизм. Или еще мое время не пришло. Я скоро уезжаю в Сорбонну учиться. А кем работаешь ты?

– В повседневной жизни я работаю кукловодом и радую детишек и их родителей веселыми представлениями, а иногда в полнолуние надеваю свой лучший смокинг и играю на пианино мелодии о любви и смерти. Ну а если честно, я киллер, убивающий людей за деньги. Вот так... Бах, бах! Только об этом никто не знает.

– И даже твоя жена? – и девушка улыбнулась. Адам понял, что она ему не поверила, и тоже улыбнулся ей.

– Могу я тебя спросить о неприятных воспоминаниях из твоего прошлого? – спросил он, допивая остатки пива.

– Спрашивай.

– Тот случай с изнасилованием... – припомнил он ее недавние откровения в переписке. – Как это повлияло на твое отношение к мужчине?

– Не повлияло. Я к этому отнеслась с абсолютным спокойствием. Что не делается, то делается за дело.

– Слушай, – он выбросил пустую банку в урну и не попал в нее, – а что бы ты подумала о человеке, который слышит голоса?

– Я бы подумала, что он объелся грибов, и ему пора лечиться. А почему ты спрашиваешь?

– Читал недавно в библии, какой-то воин шел по лесу и вдруг услышал голос и увидел свет, исходящий с неба. Он сильно испугался, упал на колени, а голос сказал ему «Встань и иди!»

– Он же воин был, голодал наверно, вот и грибов и объелся! – она даже не улыбнулась. Ее лицо было серьезным.

– А если бы ты сама услышала голос? – пододвинулся он к ней еще ближе.

– Я бы послала бы его куда подальше.

Они внезапно прыснули от смеха и сквозь этот смех продолжили свой разговор ни о чем.

– А если бы ты увидела в темноте какую-нибудь часть тела?

– Член с крылышками что ли?

– Нет, руку, например, мужскую приятную на вид руку, которая являлась бы к тебе бессонными ночами?

– Я бы тогда ее использовала по назначению, – недвусмысленно ответила девушка, – конечно бы сначала посмотрела, что за рука.

– Ясно, – сказал Адам и вытащил из кармана нэцкэ. – Это дракоша! Мне сказали, что он принесет мне удачу!

– Это тебе голос сказал? – и девушка опять прыснула от смеха.

– Ну да, а потом рука протянула мне эту нэцкэ, – подытожил Адам.

– Лучше бы она тебе протянула пачку денег!

Адам прочитал на столбе примотанное скотчем объявление «Найдена черепаха».

– Смотри! – указал он девушке, посмеиваясь. – Как странно, что у кого-то убежала черепаха.

– Ничего странного тут нет, у черепах есть дурная привычка куда-нибудь да убежать.

Девушка положила свою голову ему на колени и потом тихо спросила:

– Ты ее любишь?

– Да, – ответил мужчина, поглаживая ее мягкие волосы и чувствуя тоскливую боль в душе.

Ему хотелось большего, и он стал гладить ее оголившуюся спину, его пальцы попытались проникнуть ниже, в запретную для него область, туда, где виднелись ее красные трусики.

– А я не хочу быть твоим утешением, не хочу быть второй, – призналась она ему, приподнимаясь с его колен. – Ты хоть в лепешку расшибешься, а меня в свою постель не затащишь.

Затем она убрала его все еще одержимую руку, одернула кофту и спокойно произнесла:

– Хватит маньячить!

Возможно, она ожидала, что он начнет приставать к ней с еще большим рвением с какими-то непонятными последствиями. Она интуитивно знала, что он возбудился и даже не скрывает этого, но этот странный в ее глазах мужчина с кольцом на безымянном пальце вовсе не настаивал и, чтобы как-то завуалировать свою скромность и даже робость, буквально истязал ее вечными вопросами, на которых она сама не знала точно ответы.

– А что для тебя любовь? – спросил Адам тогда.

Он часто спрашивал симпатичных молодых девушек об этом при первой встрече.

– Любовь для меня похожа на колос, – ответили ему опять уклончиво, – который дает росток, тянется к солнцу, созревает и умирает.

– Интересно заблудиться посреди твоей нивы.

– Заблудись, если не жаль времени, – и девушка грустно улыбнулась. – Мне всегда не везет с молодыми людьми. Те, кто мне нравятся, а потом даже становятся близкими для меня, либо меня бросают, либо я в них разочаровываюсь. Иногда, правда, бывают взаимные чувства, но с такими обычно не суждено. И последний вариант, самый распространенный, когда любят меня, но не люблю я. Поэтому о прошлом я разговаривать не люблю. Там только боль и разочарования.

«У тебя какой-то философский подход к жизни! Ты не пробовал просто впустить в себя чувства, открыть двери и понять, что жизнь это много всего интересного, и та девушка рядом с тобой, может быть, просто великолепной, не только по своим формам, а замечательной в душе. Если она уже несет в себе спокойствие для тебя, такпусти ее в свою жизнь!».

Он взял ее лицо в ладони и некоторое время любовался им. Она закрыла глаза, чуть приоткрыла губы, позволяя ему целовать себя. Затем они обнялись и с наслаждением вздохнули друг друга, улавливая мельчайшие запахи и ароматы таинственного шлейфа прошлого, который тянулся за ними и был ведом только ими, и никем другим в этот миг. Мужчина развернул девушку к себе спиной, убрал в сторону ее мягкие волосы и нежно стал целовать ее шею. Рука невольно скользнула по ее теплomu животу, но девушка тактично остановила ее.

– У меня критические дни, – лукаво улыбнулась она, – я думаю, не стоит, а вот тебе я думаю можно.

Она ускорила движения и не так как обычно это происходило с ним, а с какими – то магическими закручиваниями. По его телу прошла волна, и он кончил ей прямо на одежду.

– Оп-ля, – улыбнулась она, и мужчине ничего не оставалось, как застегнуть себе молнию.

– Я сейчас убью, обязательно убью кого-то, – сказал Адам.

Это был самый неприятный день в его жизни. Он задыхался от неприятно стонущей боли в груди. Еще раз представил жену в объятиях другого мужчины и сжал кулаки.

– Меня убить хочешь? – спросила Лаура в темноте, вытирая слезы. Он взял короткую паузу, потом ответил.

– Нет! Тебя не хочу и его не хочу... Иди спать.

Она вдруг дотронулась до него и провела рукой по предплечью.

– Тебе приятно? – спросила она.

– Да.

– Тогда обними меня.

Он обнял ее и ласково прижал к себе.

– Понимаешь, – сказала Лаура, – я же тебя люблю и не предавала душой.

Он словно не слушал ее и зло обронил:

– Ненавижу Бога. Если Он нас любил, то мы бы были счастливы.

Жена встала и пошла в комнату спать.

– Только помни, – на прощание прошептала она, – счастье нашей дочери важнее всего, а остальное – ерунда. Я тебя люблю по-прежнему, даже сильнее.

«Она даже не извинилась, не попросила прощения, не раскаялась,» – подумал он, провожая ее печальным взглядом.

Кажется второй час ночи, он выходит с коляской, на улице холодно до чертиков, больно дышать. Морозный воздух жжёт лицо, ребенок укрыт и только видно, как из ротика идет легкий пар. В редких окнах горит свет, кто-то смотрит на Адама. Должно быть, думает, что он сумасшедший и что в коляске кукла. В такой мороз гуляют только психи. Он не виноват, что дочь так и не научилась засыпать дома. Мужчина прячется с коляской во дворах, где меньше снега, но ветер просто лютует. Снежные вихри рождаются и затихают. В сумасшедшем танце кружатся полиэтиленовые пакеты и листы газет. Один пакет поднимается высоко, выше 10 этажа, и медленно опускается к ногам. Надо идти в подъезд, но дочь не хочет спать. Глаза ясные и открытые. И когда порыв ветра бьет в коляску, она плачет...

Интрижка

После того, как жена оставила его и стала открыто жить с любовником, Адам стал разбавлять тоску с другими женщинами. В основном это были уставшие от брака дамочки. Таких он легко цеплял в социальных сетях и чатах. Ему достаточно было взглянуть на фотографии, на статусы, переброситься парой фраз, чтобы понять, какая женщина перед ним. И как часто за надменными масками порядочных матерей и верных жен, за лживыми усмешками благодетельниц и пуританок, за кричащими личинами мегер и истеричек он видел истинное лицо! И стоило ему только затронуть те или иные струны утонченной женской души, как маска спадала сама собой.

Адам быстро избаловался легкими победами, но, утоляя свое поверженное самолюбие, он уже скоро стал понимать, что деградирует. Он даже жалел, что силы, потраченные на легкомысленные интрижки, не были направлены на какое-то великое и благородное дело, и все больше и больше разочаровывался в женщинах. Ему уже не доставляло удовольствия, когда женщина строгого воспитания или высокой морали отдавалась ему, словно последняя шлюха. Когда она признавалась ему в любви, он сразу бросал ее, не считаясь с чувствами, жестоко отталкивал от себя. С одной стороны, он боялся серьезных отношений, с другой, оправдывал свое поведение тем, что никогда не обманывал, не снимал обручальное кольцо, не юлил, а просто говорил, что все еще любит супругу, и многие из его женщин даже завидовали Лауре.

Но были и среди них и такие, кто откровенно использовал его. Они знали, что у Адама нет денег, но одновременно шли с ним в ресторан, избалованные прежним вниманием и заботой своих любовников, заказывали изысканные блюда и требовали дорогих подарков и других развлечений. И тогда он чувствовал себя последним оборванцем, и лишь осознание того, что он тратит свой последний рубль на приятное времяпровождение утешало его. Эти женщины часто сами бросали его, считая неудачником, смеялись над его наивностью и несостоятельностью в жизни, искали других дурачков. Были и те, кто откровенно смотрел на Адама, как на удобную подстилку для своих тайных преступных утех.

Однажды он договорился по интернету с некоей Юлей. Возможно, имя было вымышленным, страничка в интернете говорила лишь, что женщина страдает и ищет опору и утешение. Юлия была немножко взвинченной и нервной. Ее душила неуверенность в себе как в женщине, она все время злилась на мужа, на его постоянные измены и невнимание к ней. Все ее существо давно желало какой-то встряски на стороне, но страх останавливал ее, и при мысли о возможной связи, она холодела от ужаса. Она все время оглядывалась и вздрагивала, будто ощущая за собой слежку, ей мерещился тиран-муж, который только и ждал момента, чтобы ткнуть в нее пальцем и сказать «Да ты сама бл..дь!». Каждый раз ее нерешительное сердце замирало, когда звонил телефон или приходило SMS от мужа. Она спешила ответить, оправдаться, чувствуя себя виноватой и побитой. Адам встретился с ней у метро, когда уже зажглись вечерние огни и люди возвращались с работы. В этой толкотне никто не обращал на них внимания, а они как два заговорщика сразу узнали друг друга, но не спешили обняться.

– Привет, – подошел он первым и поцеловал робко в щечку.

Он часто целовал незнакомых женщин при первых минутах встречи, и это сильно сближало его с ними, нарушало их личное пространство, волновало кровь и подчиняло какому-то неизбежному року. Юлия вздрогнула, приятно напуганная поцелуем.

– А ты забавный!

– Да и ты ничего... – ответил он, продолжая следить за игрой.

Она немного смутилась, и они пошли по тропинке мимо замерзшего пруда, на котором играли в хоккей школьники. Их ранцы были сложены так, что представляли ворота. Было

весело и азартно, и игривое настроение детей передавалось прохожим, которые останавливались и болели за ту или иную команду.

– Я раньше тоже играл в хоккей, когда был маленьким. У меня лучше всего получалось на воротах, и тогда коньки – были редкость... – вздохнул Адам с ностальгией. – Ты умеешь кататься на коньках?

Юля кивнула, боясь проронить слово, и чтобы расшевелить ее, он взял ее нежно за руку. Его профиль восхищал ее правильными чертами лица, какой-то римской классической красотой, и она стыдилась своих чувств, на ее щеках появлялся румянец. Шел легкий снежок. Он ложился им на лицо и таял, и если она смахивала его украдкой и жмурилась от ветра, то Адам не обращал на погоду внимания, смотрел прямо вперед с каким-то глубоким пониманием и вызовом, и, казалось, что по его печальному, освещенному тусклым светом фонарей лицу текут слезы.

В его добродушной, милой улыбке было что-то блаженное. С таким человеком, казалось, можно было говорить обо всем и даже самом сокровенном. Когда же говорил он, увлеченно и страстно, то его умные, глубокие глаза светились каким-то огнем откровения, само лицо, казалось, излучало свет, подобно сиянию на иконе при первых лучах весеннего солнца. Он увлекался своими мыслями, размышлениями, и увлекал за собой даже самого равнодушного слушателя. Он, как древний оратор, изливал свою великую душу, пытаясь тронуть сердца толпы, только на этот раз перед ним была женщина, пусть слабая и уставшая, но мечтающая о любви. Его слова трогали Юлию, разжигали ее давно потухший костер. Она еще пыталась бунтовать и сопротивляться, но уже не в силах устоять, чувствовала, как загорается ее сердце, а Адам все рассказывал о себе и Лауре, о той несправедливости, с которой им приходится считаться.

Его рука была большой и сильной, пожатие нежным и ненавязчивым. Она могла освободить свою руку, но уже несмела и шла покорно, ощущая себя маленькой и несмышленной девочкой. Ей нравилась эта игра. Она забывалась, наслаждаясь этой прогулкой вникуда, без цели и каких-то обязательств.

– У тебя высокая самооценка, – заметила она. – Ты очень дерзок...

– Каждый человек бог, который спустился на Землю, чтобы терпеть унижения. И все, что вокруг происходит – это только мои правила, я словно специально ограничил себя в своих возможностях, понимаешь? Но верь мне, что все в моих силах...

Он уже давно решил, что отведет ее на свою съемную квартиру, и Юлия, делая вид, что не замечает, куда ее ведут, или действительно она не замечала этого, всю дорогу жаловалась на своего мужа.

– Это мерзавец! Представляешь, моя близкая подруга – его любовница! И она переправляет мне его СМС-ки. А там такая лирика! Стихи собственного сочинения!

– Чего она добивается? – спросил Адам, срезая путь.

Они миновали пруд и остановились перед горкой, на которой стоял дом. Адам уже указал ей, что живет вон где-то там и даже показывал свое окно, но Юлия ничего не видела и только отмахивалась от снежинок, словно от навязчивых мух. Тогда он потянул ее за собой, и они стали карабкаться вверх в непредусмотренном для подъема месте. Им приходилось ступать боком, чтобы не соскользнуть вниз, и они даже запыхались и перевели дух. В этот момент, разрывая шум вечернего города, раздался звон колокола строящейся неподалеку церкви, и Адаму почему-то пришла нелепая мысль, что и мессия, взбирающийся на Голгофу, также брел, спотыкаясь и дыша из последних сил, только вот вместо тяжелого креста Адам тащил за собой заблудшую женщину и целый шлейф ее грехов.

– Чего добивается? Известно! – усмехнулась злобно спутница. – Хочет, чтоб развелся.

– Ну а ты, ты почему сама не уйдешь! – возмутился Адам. – Зачем тебе нужен муж, который не любит тебя!

– Понимаешь, мы живем у его мамы, и если что, я останусь на улице, да еще детей он может отнять, зачем мне эти проблемы? Перебесится да вернется! А этой сучке не достанется!

Они подошли к подъезду и стали отряхиваться от снега, стучали ногами, поправляли одежду, словно придавая друг другу приличный вид. Юля немного колебалась, когда Адам отпустил ее руку, словно предоставил ей выбор – заходить или не заходить, а ей так хотелось, чтобы ее подтолкнули, взяли за шкирку и бросили в пучину бездны, как несмышленого котенка. Она хотела не думать, казаться наивной дурочкой, но не получалось.

– Ты знаешь, – сказал он вдруг, глядя ей прямо в глаза, – самый большой грех на Земле – отвергать любовь тех, кто любит тебя.

В фойе их остановила вахтерша. Она недолюбливала квартиросъемщиков, требовала регистрации и жаловалась участковому. Адам еще раздражал ее тем, что водил постоянно подозрительных девиц.

– А, молодой человек, это что за барышня?! – строго сказала она, поправляя на своей голове кучерявый парик, в котором она была похожа на злобного пуделя.

– Марья Ивановна! Да это моя сестренка приехала, – соврал он, хотя знал, что ему все равно не поверят, а сам тихо, чтобы никто не слышал, пообещал принести завтра торт.

– Ладно, проходите, – нахмурилась вахтерша. – Только того, чтобы порядок был!

Когда они зашли в лифт, Адам впервые при ярком освещении рассмотрел Юлию. В жизни она выглядела постарше, чем на фотографиях.

«Сколько ей? Тридцать пять? Сорок?» – гадал он.

В последнее время он дурил головы малолеткам и изрядно устал от их капризов. И сейчас, когда в его власти оказалась зрелая женщина, он чувствовал какую-то удачу. Юлия смотрела на мигающие кнопки лифта, читала похабные надписи на стенах. Ее взгляд блуждал, она уже свыклась с неизбежностью. Ему вдруг захотелось овладеть ей прямо в этом грязном и запыленном лифте, и она, чувствуя его желание, прильнула к нему и даже поцеловала. Губы у нее были слабые, почти безжизненные, отдавали сладкой клубничной жвачкой. Адам обнял ее, коснулся губами ее красивой белой шеи и что-то прошептал приятное. Лифт открылся, но они не спешили выходить. Ей безумно нравилось, как его озябшие руки берут ее уставшее лицо бережно и ласково, словно дорогую хрустальную вазу, как его нежные пальцы блуждают по ее чувствительной коже, гуляют под ее густыми волосами, ласкают за ушами и затылок. У нее непроизвольно появлялись мурашки по всему телу, и она закрывала глаза, забываясь сладким ядом измены.

– Я не понимаю, что со мной... – шептала она, словно оправдываясь. – Это у меня в первый раз... Боже, боже... что я творю!

Она не заметила, как оказалась в его квартире. Помнила лишь, как не разуваясь и не прекращая целоваться, разбрасывала на ходу одежду, как предалась разврату, и все было словно во сне. И долго-долго звонил ее телефон и, должно быть, на том конце был ее нетерпеливый муж—тиран, а она, упоенная мезью, извивалась под лаской другого мужчины, отдаваясь ему в каких-то животных и немислимых позах, которые не могла себе позволить ни одна приличная женщина. Когда Адам кончил, она лежала минуту, не шевелясь, словно убитая, и глядела на потолок немигающим взглядом. По потолку ходили тени от фар проезжающих где-то автомобилей. Слышно было, как у соседей орет телевизор. Там шел какой-то мыльный сериал, чьи герои о чем-то спорили, выясняли отношения, а эти ползущие по потолку тени пугали ее, и она видела, что не одинока в этом страхе. Комната кишела тараканами, рыжими, противными, мерзкими, и они прятались от этих блуждающих теней куда-то за края оторванных обоев и кронштейны карниза. Но куда можно было спрятаться ей? Телефон Юлии издал слабый писк: он разряжался. Адам напрасно ласкал ее и слушал, как ее слабое сердце тихо стучит, а она машинально гладила этого незнакомого ей человека, имя которого даже не могла вспомнить, по его лохматой взъерошенной голове, и как ребенка прижимала к себе. Ей уже казалось,

что между ними ничего не было, и она даже убеждала себя в этом. Ей вдруг захотелось уйти, и она отстранилась...

– Мне надо идти...

– Иди! – сказал он не сразу.

Она поднялась и стала собирать на ходу свою одежду, затем сама открыла входную дверь.

– Ты не думай... – что-то говорила она. – Между нами ничего не было и быть не может!

Я все мужу расскажу.

Дверь захлопнулась, но он еще слышал, как она торопилась по лестнице, даже не дождав-шись лифта, как к ней вернулась ее неуверенность, как трепетно отвечала она на чей-то настойчивый звонок, говоря, что бродит по магазинам, и печально улыбался.

Портрет любимого

Подъехав к шлагбауму в столь ранний час, водитель даже не притормозил и не назвал свое имя. Охранники еще издали заметили его машину по установленным видеокамерам, вели ее и заранее открыли проезд. Это были опытные ребята, в большинстве своем бывшие и даже действующие работники спецслужб, которые по иронии судьбы превратились в каких-то сытых лоснящихся швейцаров. «Хозяин», как они называли его за глаза, никогда не скупился на жалование, но все прекрасно знали, что даже за незначительный проступок или пуций пустяк он мог сослать их с насиженного теплого места туда, где плавилось железо и текла ручьями кровь. Хотя даже если повода и не было никакого, он все равно делал ротацию, чтобы никто не расслаблялся. Благо, «горячих точек», в которых можно проявить себя и схлопотать пулю в лоб, становилось все больше и больше.

На этот раз «хозяин» даже не посмотрел в их сторону, и его дорогой черный Мерседес плавно проехал на стоянку у самого входа в краснокирпичное тянущееся вверх здание с зубчатыми конусообразными башенками, из-за чего собственно оно и напоминало отдаленно средневековый замок где-нибудь в Германии или во Франции. На самом деле это была часть общего ансамбля и исторического облика какой-то бывшей купеческой усадьбы. В свое время, а речь идет о девяностых, Наймонд выкупил его за долги у властей и приватизировал вместе с придомовой территорией. Вообще он часто пользовался слабостью своих «партнеров по бизнесу», охотно вкладывая деньги в совместные венчурные и даже откровенно провальные проекты, и «забирать потом за долги» было для него в порядке вещей.

Чернокожий мужчина средних лет в сильно помятом костюме впопыхах открыл ему дверь машины и почтительно поклонился. В столь ранний час никто не ждал «хозяина», который по достоверным сведениям должен был быть в Давосе еще целую неделю.

– Здравствуйте, месье Наймонд, – сказал этот чернокожий на французский манер, но без издевки, на ходу затягивая галстук. Страсть к виндзорским узлам ему явно не шла.

Видно было, что он одевался в спешке, может быть, даже в темноте и все никак не мог привыкнуть к гражданской одежде. Это был Альберт, администратор, который мог позволить себе некие вольности, так как пользовался абсолютным доверием «хозяина», что было скорее исключением из правил.

– Как там наша принцесса на горошине? – спросил сухо Наймонд, выходя из машины и бросая ключи Альберту.

– Спит, – подхватил он их уверенной рукой. – Хороший сон всем нам идет на пользу.

– А вот мне что-то в последнее время не спится, – пожаловался Наймонд на бессонницу. – То кошмары мучают, то постельные блохи в гостиницах одолевают. И жаловаться некому, да и бесполезно все это.

Альберт вздохнул с явным сочувствием. Его босс редко пользовался услугами телохранителей, предпочитая передвигаться в поездках инкогнито на свой страх и риск.

Дверь в жилые апартаменты на втором этаже оказалась закрыта, но у «хозяина» был золотой ключик, и он без труда проник внутрь. Правда, какое-то время он еще стоял на пороге, словно обдумывая, пройти или не пройти, но приятный женский запах, витавший в воздухе, точно таинственный афродизиак, подействовал на рассудок. И мужчина, расстегнув верхнюю пуговицу своей рубашки, сделал шаг вперед. В комнате было просторно. Высокий свод создавал иллюзию нежно-голубого неба с прозрачными хрустальными люстрами, которые слегка звенели от сквозняка приоткрытой двери. Утренний свет проникал сквозь круглое, плохо зашторенное окно каким-то направленным лучом и падал на мольберт, стоящий у этого окна. Мольберт был закрыт от постороннего глаза простыней, но Наймонд интуитивно чувствовал, что именно там причина всех его беспокойств последнего времени. Но сдернуть простыню без

согласия художницы, которая очевидно провела всю ночь за этим мольбертом, он не решался, но не потому, что старался соблюдать какие-то нормы приличия и морали, напротив, он был всегда чужд ко всему этому, предпочитая действовать решительно и наперняка. Просто сейчас, под действием обаяния спящей красавицы, Наймонд искал утешения в этих чутких и несомненно талантливых руках, чьи пальцы были украшены кольцами лучших ювелиров Европы и Америки, его подарками в знак уважения и восхищения этой женщиной.

Ее звали, кажется, Кети, но преуспевающий олигарх называл ее Кэти. Как и многие другие жемчужины в коллекции несмываемых пороков и тех поступков, на которые может быть способна человеческая подлость, эта гордая и несомненно красивая женщина досталась ему за долги. Правда, сам он сделал все возможное, чтобы все это осталось тайной, но, несмотря даже на его влияние на СМИ, эта темная история еще долго муслировалась журналистами с завидным постоянством. По их словам некий Гога, владелец одной крупной строительной компании, строящей проекты мирового значения на бюджетные деньги то ли проигрался в пух и прах в казино, то ли «встрял на бабки» с чеченцами-ваххабитами, и, чтобы как-то выйти из ситуации с наименьшими потерями, он обратился за помощью к Наймонду. Сумма была совсем немаленькая, и в качестве надежного залога то ли в шутку, то ли в серьез Гога отдал единственное ценное, что было у него тогда, – свою любимую жену Кэти, рассчитывая в скором времени полностью рассчитаться с долгами. Но время шло и шло, и беспечный муж, периодически выпрашивающий клятвенными обещаниями рассрочку, куда-то бесследно исчез, как впрочем часто обычно бывало с теми, кто вел нечестную игру с Наймондом. Таким образом, тридцатилетняя красавица Кэти, гордая грузинка из знатного рода, точно певчая птица, оказалась в золотой клетке. Конечно, она могла психануть, послать к черту всех мужчин, замешанных в ее «заточении» и уехать к родителям в Грузию, но она приняла все это с должным спокойствием бургундской принцессы Хильдики и предпочла грустить по мужу, так подло предавшему ее. Она грустила так сильно, так увлеченно, что не знающая границ тоска ее раненого сердца со временем перелилась в нечто выразительное и художественное – она прекрасно и очень талантливо рисовала горы, долины, все то, что окружало ее в далеком и счастливом детстве и, конечно, виноград – символ ее многострадальной родины. Наймонд всегда поощрял искусство и сам лично организовывал ее выставку в Ницце, что несомненно сближало заложницу-художницу и ее мецената. Уже скоро на многие ее удачные работы начали охоту ценители-коллекционеры со всего мира, и ее заветное имя звучало на их устах с благоговейным шепотом, как самая сладкая нота в аккорде красоты и вечности.

Успехи и такая известность со временем дали ей толчок к самодостаточности и даже независимости, тем более Наймонд никогда не держал ее, предоставляя полную свободу для творчества, так и в личной жизни, но Кэти оставалась добровольной «узницей» замка со всеми вытекающими последствиями. Возможно, ей хотелось красиво уйти, и она просто ждала подходящий момент для этого ухода или, может быть, она до конца надеялась, что муж вернется и принесет выкуп. Никто не знал, что творится на самом деле в ее душе. Она ни с кем не открывалась, предпочитая затворничество и замкнутость, а Наймонда всегда держала на расстоянии, но не пренебрегала им, принимая подарки и помощь. И он, как опытный мужчина, ненавязчиво внушал ей свое могущество и делал все возможное, чтобы она боготворила его.

Сейчас, любуясь ее обнаженным профилем, (Кэти всегда спала без одежды), он впервые к удивлению для себя вдруг осознал, что ревнует ее и ревнует к чему-то неизвестному и непременно губительному для него, к тому же уже свершившемуся, чему она так сладко и упоительно улыбалась во сне. Эта чудесная, ни с чем не сравнимая улыбка, так долго не сходящая с уст, даже когда спящая красавица нежилась перед ним, произвольно лаская и поглаживая свою остроконечную и высоко вздымающуюся грудь, мучила его и истязала, точно на дыбе разрывала на части. Он чувствовал и понимал одновременно и этот подкрадывающийся болезнен-

ный страх от того, что он не один, что у него есть соперник, и неопределимое желание обладать этой уже павшей в его глазах женщиной даже через силу и сопротивление с ее стороны.

Сейчас он водил скулами, бледнел, сжимал кулаки, хмурился, с великим откровением принимая для себя то, что Кэти улыбается не ему, находясь в том таинственном забытии, на которое его власть оказывалась бессильной, и он слушал и слушал, как тихо постанывала она во сне, и понимал, что даже в бесконечности есть свои границы.

«Красивых женщин без присмотра нельзя оставлять, даже когда они спят. Бог знает, что им снится», – подумал он тогда, все еще пытаясь избавиться от навязчивого чувства ревности и досады на Кэти.

Затем Наймонд отвернулся от постели, где под шелковым балдахинном, в мягких перинах, с раскиданными по подушке волосами так привольно и безмятежно спала обнаженная Кэти, и посмотрел на мольберт. Он вдруг пришел к убедительному выводу, что он и никто другой вправе знать, что там скрывается за простыней, и словно от гнева его сверкающих глаз робкая простыня сама сползла вниз, и он вздрогнул, хватаясь за сердце.

Там, на широком листе бумаге, в черно-белых тонах, был изображен молодой мужчина, не он, Наймонд, а другой посторонний мужчина в старомодной шляпе и длинном сером пальто. Тучи нависли над ним, кажется, шел мокрый снег, и солнце едва пробивалось. Он стоял спиной к зрителю на мосту в окружении серых коробок промзон и почти сливался с ними, вглядываясь в освобождающуюся ото льда реку, и видно было, как сильный ветер играл с лапами его одежды, уже запрокинув галстук за плечи, и как этот мужчина придерживал рукой шляпу, точно намереваясь сделать почтительный поклон кому-то.

Краски еще не высохли, Кэти случайно или намеренно добавила в них больше воды, и свежие разводы внизу создавали иллюзию чего-то туманного и грустного. Рассматривая их, Наймонд заметил одну незначительную деталь, как на асфальте валяется кукла, замызганная грязью, втоптанная в эту грязь, с открытым от удивления ртом. Обычная, оброненная кем-то кукла... но она произвела на смотрящего неизгладимое впечатление, пожалуй, даже большее, чем этот ненавистный незнакомец, к которому он ревновал свою Кэти.

Кто-то вдруг незаметно мягкой поступью, ступая босиком по персидским коврам, подкрался к нему и закрыл глаза... Он вздрогнул, узнав нежные пальцы своей неподвластной ему любовницы.

– Кэти, черт возьми, Кэти... Ты меня напугала, – прошептал он, убирая ее руки со своего лица.

Красавица прильнула к нему, и приятный жасминовый запах ее кожи вскружил ему голову. Он обнял ее, попробовал поцеловать, но она уклонилась и сама поцеловала его в шею.

– Тебе нравится? – спросила она, и он даже не сразу понял, о чем она спрашивает, то ли о картине, то ли об этом поцелуе и прикосновении рук.

Раньше она никогда не подпускала его к себе, а он никогда не пользовался своей властью и положением, и сейчас, когда он весь был одержим жгучей ревностью, когда, казалось, только смерть могла искупить ее, эта женщина обнимала его за плечи, вглядываясь в его глаза и лукаво улыбалась. Но это была уже другая улыбка, и ему стало еще больнее.

– Так тебе нравится? – и Кэти расстегнула ему верхние пуговицы пиджака, сдунула какие-то пылинки с плеча... – Нравится?

Ноги не слушались его, голова кружилась, и Наймонд обессиленный опустился на кресло, схватившись за голову.

– Что с тобой? – испугалась женщина. – Ты болен? Опять Сказочник?

Он кивнул.

– Подожди меня сейчас, милый, я скоро приду... – сказала она тогда и, это «милый», это «скоро приду» значило для него больше, чем таблетка аспирина.

Но как и положено женщине, она заставила себя ждать, даже когда он очень нуждался в ней, и он, так и не открывая глаз, еще долго слушал шум воды, доносившийся из ванной комнаты, и невольно представил ее, стоящую под теплыми струйками воды, с запрокинутой назад головой, ловящей нежно губами эти теплые струйки, ее мокрые черные волосы, спадающие до самых ягодич, вздымающуюся острую грудь, которой он только что любовался, и вот опять мужская ладонь, не его, чужая, вдруг ложилась на эту грудь, теребила соски, зажигая в них искру и твердость, опускалась ниже по мягкому животу и... Кэти вдруг вскрикнула, и Наймонд словно очнулся.

– Холодная! – донеслось из ванной комнаты.

Наймонду уже доложили проблему с котельной, но другое сейчас его волновало куда гораздо больше, чем починка отопительного котла в одной из его московских резиденций.

– Кто он? – спросил сурово Наймонд, обращаясь скорее в пустоту, чем к Кэти, и сам удивился решительности своего голоса.

Кэти вышла из ванной, намотав на голову махровое полотенце, и улыбаясь, осторожно на цыпочках подошла к нему и уселась у его ног, точно рабыня или наложница.

– Я не знаю... Никогда раньше его не видела... Просто навязчивое воображение...

Он вдруг почувствовал, что она недоговаривает, что самое ужасное для него давно случилось, и его лицо побледнело. Потом он каким-то усилием воли совладал с собой и, сжав кулаки, проговорил:

– Я не знаю, что со мной происходит, Кэти... Я словно прогневал Бога, и Он карает меня. В последнее время я совсем не сплю. Снятся кошмары, как женщина без лица гоняется за мной, и у нее в груди нет сердца. Одна кровоточащая пустота... Потом это еще, совсем некстати, повышение ставки ФРС, и мне опять придется ругаться с Рокфеллерами... Потом еще эти капризы жены. После трагедии с сыном она словно с цепи сорвалась и требует развода... Потом еще...

Кэти привстала на колени, что было совсем непохоже на нее, и посмотрела на Наймонда снизу вверх с каким-то должным смирением. И этот взгляд женщины, которая всегда вела себя гордо и независимо с ним, окончательно поверг его в пропасть, он понял, что не может сопротивляться, и закрыл глаза.

– Потом еще ты, Кэти... Так нельзя со мной, Кэти... Никто не смеет со мной так...

Женщина приблизилась к нему, и он вдруг почувствовал, как ее ловкие руки идут по его коленям, расстегивают ему ширинку на брюках.

– Тс-сс... – сказала она, хотя он и так уже молчал. – Я сделаю это быстро, и это ничего не значит. Просто я вижу, что тебе нужно расслабиться, срочно расслабиться... Дело даже не в том, как мы относимся друг к другу. Тебе нравится?

Он не ответил, но его вальяжная и раскрепощенная поза, все его неторопливые и непринужденные движения на кресле подсказывали Кэти, что все, что она делает сейчас с ним, ему и, правда, жизненно необходимо.

– О, Кэти... – лишь простонал он, чувствуя ее нежное касание. – Ты тоже делала это с ним... Я знаю...

– Тс-сс... – и губы Кэти слегка коснулись его там... – Не думай сейчас об этом. Это ничего не значит... Это ничего не значит...

– Ты любишь его? Любишь? – Наймонд требовал только правды, тяжело дыша от переполняющих его эмоций и тыча в сторону мольберта, но ему намеренно не отвечали, и он знал почему, и когда, женщина отрывалась от ласк и приподнимала свои преданные глаза, наивно моргая длинными ресницами, она произносила одно и то же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.